

1878 год

18-го января. Новый год ознаменовался для нас рядом блистательных побед. Переход через Балканы и разбитие всей турецкой армии — суть великие подвиги, которым решительно нет примера в истории. Читая репортажи и частные корреспонденции о трудностях перехода в зимнее время через Балканы, не веришь в возможность борьбы с подобными неестественными препятствиями. Нет ни малейшего сомнения, что ни один народ, кроме русского, не в состоянии вынести стольких физических страданий, и ни один опытный полководец не решился бы подвергать свою армию таким ужасным испытаниям. Никто в Европе, конечно, не ожидал таких быстрых с нашей стороны успехов, а потому злоба и ненависть к нам со стороны англичан и австрийцев еще, конечно, усилилась. Мы теперь почти стоим у самого Константинополя, и уже начинаются разговоры о перемирии.

Теперь наступает самая решительная и опасная для нас минута. Теперь нужно нам пустить в дело уже не силу материальную, представляемую войском, его самоотвержением, храбростью и увлечением. Теперь уже не в народном сочувствии к святому делу должны полагать мы успех. Теперь все зависеть будет от того, в какой мере руководители нашей политикой стоят на высоте своего призвания, в какой мере они проникнуты в правоте нашего дела и в силе нашего права и в какой мере они останутся непреклонными перед требованиями врагов наших, и в особенности врагов, скрывавшихся под личной дружбы. Признаюсь, все, что я здесь слышу и вижу, все наводит на меня сильное сомнение в том, чтобы мы окончательно воспользовались бы всеми выгодами наших побед. Уже теперь начинают высказываться сильные опасения, что мы зашли слишком далеко. Во всех влиятельных сферах высшего общества в Петербурге слышится одно только желание скорее окончить войну как-нибудь. Я также уверен, что теперь, вдали от театра военных действий, царь все более и более будет забывать все виденные им ужасы войны и охлаждаться в своем первоначальном порыве, будучи окружен тлетворною сферой петербургской жизни. На искусство наших дипломатов не надеюсь. Князь Горчаков во всем этом восточном вопросе показал себя совершенно неспособным, и притом он совершенно выжил из ума. А от графа Шувалова, который призван теперь в Лондоне играть самую первостепенную роль для защиты русских интересов, я ничего не ожидаю, кроме мелких интриг и изобретений каких-либо вредных компромиссов.

24-го января. Предчувствие мое оправдалось. Мы остановились перед грозными манифестациями Англии¹⁴. Мы продолжаем верить в поддержку нашего святого дела на Конгрессе со стороны Германии. Мы остановились перед самым Константинополем; мы подписали 19-го января предварительные условия мира, с которыми бы можно было нам действительно помириться, ежели бы эти условия были окончательны. Но, силою заставив турок подписать условия мира, мы, не обеспечив себя занятием Константинополя, будем ждать позволения Европы воспользоваться правами победителя. Чтобы решиться на такой образ действия, надо быть уверенным, что мы получим это позволение,

иначе мы без всякой пользы утратим приобретенное нами ценою великих жертв выгодное и стратегическое, и политическое положение. Уже мы его отчасти утратили, не предупредив занятием Константинополя и Галлиполи вступление английского флота в Дарданеллы.

Говорят, мы остановили вступление наших войск в Константинополь вследствие депеши, полученной от графа Шувалова. Это очень вероятно, как бы то ни было, но объявление о предварительных условиях мира не произвело никакого особенного впечатления, и все относятся к этому миру с каким-то особым недоверием. В Петербурге было разрешено <вывесить> несколько флагов, а в Москве, по полученным мною сведениям, объявление это скорее произвело на всех какое-то уныние. Впрочем, и здешние газеты высказываются в этом смысле. Все эти мысли и речи вызывают на устах наших дипломатов и высших государственных сановников только одну улыбку самодовольного презрения образованного европейца к дикому патриотическому фанатизму русского общества. Как бы то ни было, но эти предварительные условия мира изложены в форме договора и представлены сюда для ратификации. Но в чем заключаются эти предварительные условия мира — еще официально не объявлено.

28-го января. Вчера напечатано в «Правительственном вестнике» следующее.

«Правительственный вестник». 27-го января 1878 года.

«Предварительные основания к заключению перемирия, которое приостановило неприязненные действия, были приняты и подписаны турецкими уполномоченными в нашей Главной квартире, вследствие чего может быть обнаружено их подлинное содержание. Мы напомним, что эти основания имеют целью лишь определить почву, на которой можно будет вести переговоры об окончательном мире или между воюющими сторонами, касательно вопроса, который исключительно до них относится, или же с участием великих держав по вопросам, касающимся европейских интересов.

Предварительные условия мира, врученные великим князем главнокомандующим турецким уполномоченным.

Если бы турки попросили бы на аванпостах мира или перемирия, то Его Императорское Высочество главнокомандующий должен будет им объявить, что неприязненные действия не могут быть приостановлены иначе, как с предварительным принятием нижеследующих оснований:

1) Болгария, в пределах, определенных большинством болгарского народа, и которые ни в коем случае не могут быть менее пределов, указанных на Константинопольской конференции, будет возведена в автономные княжества, платящие дань, с правительством народным, христианским, и туземною милицией. Оттоманской армии не будет там находиться (за исключением нескольких пунктов, которые будут определены по общему соглашению).

2) Независимость Черногории будет признана. Увеличение владений соответственно тому приращению, которое отдала в ее руки судьба оружия, — будет за нею утверждено. Окончательные границы определятся впоследствии.

3) Независимость Румынии и Сербии будет признана. Первой из них будет назначено достаточное поземельное вознаграждение, а для второй произведено исправление границ.

1878 год

4) Боснии и Герцеговине будет даровано автономное управление с достаточными обеспечениями. Подобного же рода преобразования будут введены в прочих христианских областях Европейской Турции.

5) Порта примет обязательство вознаградить Россию за ее издержки на войну и за потери, которым она должна была себя подвергнуть. Способ сего вознаграждения — деньгами, либо поземельную уступкою, либо чем иным — будет определен впоследствии. Его величеству султану предстоит войти в соглашение с его величеством императором Всероссийским для охранения прав и интересов России в проливах Босфорском и Дарданелльском.

В удостоверение принятия этих существенных оснований оттоманский уполномоченный немедленно отправится в Севастополь или в Одессу для переговоров там с русскими уполномоченными о предварительных условиях мира.

Как только принятие этих предварительных условий будет официально извещено главнокомандующим императорскими армиями — условия перемирия должны быть установлены на обоих театрах войны, и неприязненные действия могут быть временно приостановлены. Оба главнокомандующие будут иметь право дополнить вышеизложенные условия назначением известных стратегических пунктов и известных крепостей, которые должны быть очищены как материальное обеспечение в принятии Высокой Портою наших условий перемирия и ее вступление на путь переговоров о мире».

29-го января. Видимо, происходит что-то неладное в наших дипломатических переговорах о перемирии и мире. Сегодня опять напечатано в «Правительственном вестнике» следующее:

«Предварительные основания о перемирии были опубликованы не в том виде, как они были изложены в Главной квартире в минувшем ноябре. От этого происходит упоминание Одессы и Севастополя как мест последующих переговоров, предназначенных для развития этих оснований. В настоящее время ход событий привел к подписанию предварительных условий перемирия в Адрианополе, а потому в этом городе будут происходить также и дополнительные переговоры».

А между тем английский флот стоит в Дарданеллах, а войска наши томятся перед Константинополем, ни сроки перемирия, ни демаркационные линии не определены.

19-го февраля. Сегодня вечером разнесли по городу следующую телеграмму:

«Депеша от Его Императорского Высочества главнокомандующего армией в Сан-Стефано, от 19-го февраля, 5 часов пополудни.

“Имею честь поздравить Ваше Величество с подписанием мира. Господь сподобил нам, государь, окончить предпринятое вами великое, святое дело. В день освобождения крестьян вы освободили христиан из-под ига мусульманского”».

В чем заключаются условия мира — неизвестно. Окончательный ли он или предварительный — также никто не знает. Судя по словам депешы, великое, святое дело кончено, христиане освобождены от ига мусульманского.

Ежели это не фразы, приноровленные ко дню 19-го февраля, то, слава Богу, Россия исполнила свое призвание. Какой приличный случай поднести государю титул «Освободителя», какую высокою историческою личностью явится он перед потомством...

20-го февраля. Сегодня по случаю заключения мира был во дворце большой выход и благодарственный молебен. Все происходило по обычаю, и государь, видимо, очень доволен. Проходя мимо раненых офицеров, поздравлял их со славным миром. На днях, вероятно, узнаем официально об условиях мира. Я, слыша, что князь Черкасский был нездоров, осведомился во дворце у военного министра о его здоровье. Милютин мне отвечал, что накануне получил от Черкасского письмо, из которого видно, что он, по-видимому, здоров. Едва я успел из дворца приехать домой и переодеться, как получил от Милютина следующую записочку:

«Вчера скончался внезапно князь Черкасский от апоплексии мозга. Еще третьего дня он со мной занимался около часу времени. Спешу сообщить Вам об этом, искренне уважаемый князь Дмитрий Александрович, так как Вы были с ним дружны и сегодня еще спрашивали меня о нем.

Жаль потерять умного, хорошего человека.

Душевнопреданный — Д. Милютин.
20-го февраля. 4 часа пополудни».

Как громом поражен я был этим известием. В настоящее время утрата способного человека, может быть, единственного на театре военных действий деятеля для будущей организации края¹⁵ и полезного советчика в предстоящих дипломатических переговорах представляется мне каким-то знаменательным событием.

Самый день смерти Черкасского — 19-го февраля, канун великого события — освобождения крестьян, в котором он принимал такое деятельное участие, очень замечательно.

По уму и способностям князь Черкасский стоял далеко выше того уровня, какой терпится теперь в людях, употребляемых правительством. Поэтому усилия всех влиятельных на назначение лиц были направлены к тому, чтобы не давать ему хода. К сожалению, сам Черкасский несколько строптивым своим характером и неумением обращаться с людьми давал часто повод к справедливым нареканиям и отталкивал от себя людей резкостью и колкостью своей речи. В последнее время в особенности, будучи не у дел, он был раздражен. Но этот самый человек мог бы быть с большой пользою для дела употреблен в администрации или в дипломатии. Когда начинался восточный вопрос и была речь о конференции, то я в разговоре с Горчаковым убедительно уговаривал его взять с собою Черкасского, проживавшего тогда без дела в деревне. Я доказывал ему, что Черкасский обладает весьма тонким дипломатическим умом, отличный редактор и притом знакомый с общественным настроением, может быть весьма полезным сотрудником и что привлечение его, в качестве хотя бы второстепенного участника на конгрессе, произведет весьма хорошее впечатление

в России, где Черкасский пользуется репутацией весьма умного и дельного русского человека. Горчаков, как и следовало ожидать, принял весьма холодно мой совет. Но я счел на всякий случай нужным уведомить Черкасского о моем разговоре с Горчаковым. В ответ на мое письмо я получил от Черкасского следующее письмо:

«5-го августа, 1876 г. Вчера, любезный князь Дмитрий Александрович, получил я Ваше письмо и сегодня спешу отвечать, чтобы ответ этот, не блуждая по столичным почтам, мог застать Вас в полусонном, я думаю, Козельске. Пускай эта поспешность докажет Вам также, сколько я ценю Ваше доброе расположение и дружбу, внушившие Вам те мысли, которые Вы мне сообщаете. Письмо Ваше застает меня как бы врасплох, далеко, далеко от тех предположений, которые Вы возбуждаете. К тому же оно вызывает на ответ искренний и откровенный, а потому не удивляйтесь, если в ответе на выраженное Вами так мало бытовых для меня, даже в самом общем виде, надежд, я буду говорить обстоятельно и разбирать их, как нечто не невозможное и даже осуществимое. Поразмыслив поболее, я, вероятно, удовольствовался бы выражением моей самой горячей Вам признательности за добрую память, которая ценится мною тем выше, что я не привык ее встречать со стороны даже многих из тех, от которых мог бы довольно естественно ожидать ее. Но возвратимся к Вашим предположениям.

Скажу Вам откровенно, что постоянная служба вне России меня не привлекает. Прежде всего, я убежден, что внешняя политика определится сама собою, по правильным или неправильным ходам дела внутри. Человек с мыслью может и должен, покуда он в силах, стараться выйти на этот последний механизм, который двигает все прочие. Но подвергаться изгнанию из отечества ради почета, денег, связанных с занятиями иностранной миссии, не следует человеку уже немолодому и для которого подобный путь не может уже служить починком дальнейшей деятельности, но предоставляется скорее каким-то почетным убежищем. Я твердо решил или — что всего вероятнее — окончить жизнь свою не у дел, или принять участие в них лишь в самом Петербурге, у того самого центра, который один только имеет у нас действительную силу и значение. Эта мысль руководила мною отчасти и девять лет тому назад, когда я покинул службу¹⁶. И все сбывшееся с тех пор не убедило меня ни в ошибочности тогдашнего моего поступка, ни в неосновательности общего моего воззрения. И ныне остаюсь я при той же мысли: иначе, как у самого центра, служить и тратить жизнь свою и плодить свою нравственную ответственность решительно не стоит. Если это кому не удастся, если кому суждено век свой оставаться бессменным, более или менее признанным кандидатом на политическое влияние, в действительности выпадающее на долю других, совмещающих в себе с избытком все ныне требуемые для того условия, то остается по крайней мере одно, быть может, не вполне достаточное, но тем не менее действительное утешение — это плуг и свобода. Гораздо заманчивее другая Ваша мысль, правда, никогда не приходившая мне в голову, но далеко не лишенная для меня прелести, по крайней мере в некоторых из своих сторон, — это призвание к участию в Конгрессе¹⁷. Отсюда по крайней мере можно будет в короткий срок извлечь для себя и для будущего личное знакомство с людьми, так или иначе заправляющими судьбами мира; к тому же тут несколько шире поле для личного почина. Но, независимо от тяжелой нравственной ответственности, которая едва ли не неизбежно ляжет на русских участников первого наступающего Конгресса, в тех обстоятельствах, в которых мы ныне находимся,

самая польза дела едва ли не требует, чтобы на это дело с князем Горчаковым вместе был призван Игнатъев, который один знает вполне все восточные дела и который, сколько мне кажется, ожидает этого назначения и имеет на него право. Я почти уверен, впрочем, что и его не допустят туда, а пошлются: Назимов и Гамбургер или Жомини¹⁸. К тому же не забудьте, что участие в новом деле не может быть импровизированно; оно должно быть подготовлено открытием архивов и предварительным изучением истории вопросов, подлежащих обсуждению. Вы видите, как это все несовместимо с нормальным ходом дел у нас. Помните, как решались крестьянское, польское и др.<угие> у нас дела. Никогда, никого, ни к чему правительство у нас не готовило. Неужели Вы полагаете, что оно теперь поступит иначе?..

Меня поражает еще одно обстоятельство: во всем разговоре князя Горчакова с Вами мне слышатся все давно знакомые мне звуки: “Черкасскому нельзя-де дать синекуру¹⁹; ему нужно дать место с положительною деятельностью, а такого места свободного у нас и нет”. Поверьте, любезнейший князь, что его никогда не будет. Те же самые слова о синекуре говорились 9 лет тому назад князю П. П. Гагарину высшим из авторитетов в государстве, и предлагалось назначение меня в польский комитет, до поры до времени, вместе испрашивалось для меня в то время назначение в Сенат.

На деле не состоялось ни первое, ни второе, ибо против меня был легион, и даже высшая власть в государстве оказалась бессильна победить его. Враждебный мне легион существует и донныне, он даже и сильнее, чем когда-либо. С этой мыслью я помирился в глубине души моей уже давно, и давно порешив сам с собою, что до коренного изменения в положении дел нет мне места в официальной России. А эта коренная перемена наступит, конечно, нескоро, и что сулит она нам в будущем – еще неизвестно. Мне сдается, что в то время сгруппируются новые созвездия, и этих звезд и их неизбежных спутников будет так много и окажутся они так требовательны, я же буду настолько забыт и так мало будет у меня охоты просить, искать и докучать, что и в то время, если останусь я еще в живых, едва ли приобрету я более того, чем теперь пользуюсь невозбранно и чем, к счастью, удовлетворяюсь. Вот Вам, любезнейший князь, моя искренняя исповедь. Еще раз горячо благодарю Вас за Вашу дружбу и надеюсь как-нибудь свидеться в течение зимы. Жена усердно кланяется княгине и Вам, а я дружески жму Вам руку.

Душевно преданный — князь В. Черкасский.

Если Вы увидите Грота, потрудитесь сказать ему, что я получил его письмо и не прочь приехать на совещание о самаринских прениях, но за земскими собраниями никак не могу приехать раньше октября».

Впоследствии, когда началась война, то сам государь в бытность свою в Москве пригласил Черкасского, под видом управляющего Красным Крестом, состоять при Главной квартире и быть в распоряжении главнокомандующего по управлению завоеванным краем. Для получения надлежащих инструкций и составления правил по управлению будущими нашими завоеваниями Черкасский прибыл в Петербург, был очень обласкан, имел несколько аудиенций у государя, на него возлагались большие надежды, что крайне возмущало здешних царедворцев — и Тимашева, и Валуева, и Урусова и пр. Они боялись после окончания войны возвращения Черкасского в Петербург. Но в видах Провидения, вероятно, нужно было отнять у нас и этого способного человека в самую нужную минуту, к несказанному удовольствию всех врагов России.

28-го февраля. Условия мирного договора до сих пор хорошо не известны. Судя по сведениям иностранных газет, условия эти вообще довольно удовлетворительны для нашей чести, но, кажется, достоверно, что во многих и главных частях будут еще подлежать рассмотрению на европейском Конгрессе, а так как вся Европа, без исключения, относится к нам враждебно²⁰ и наши блестящие победы еще усилили эту вражду, а наши политики и дипломаты очень ненадежны, то в обществе и вообще в России известие о мире не производит того радостного впечатления, которое следовало бы ожидать. Вексельный курс наш мало поправляется, и вообще чувствуется какое-то опасение.

На днях объявлен «*п р е л и м и н а р н ы й м и р н ы й д о г о в о р*»²¹, который хотя прелиминарный, но подписан турецким султаном и привезен сюда турецким посланником для ратификации государем.

Все как-то необычайно делается в настоящую войну. Не знаю, был ли когда-либо случай, чтобы две воюющие державы заключали между собой мир, ратифицировали бы условия мира и затем представляли бы этот мир на утверждение, или на одобрение, или на изменение (не знаю, как сказать) других европейских держав, а пока останавливались бы приводить в исполнение те условия, которые до других государств не касаются.

Как бы то ни было, но, по общему чувству, война еще не кончена и грозит, напротив, принять весьма широкие размеры. Дипломаты наши теперь спорят о том, в какой форме предложить мирный договор Конгрессу, а между тем время проходит, Англия и Австрия вооружаются, Турция укрепляет Константинополь, так что занятие его нашими войсками становится с каждым днем невозможнее. Румыния явно против нас враждует, отказывается отдать часть Бессарабии, о которой, по непростительной оплошности наших дипломатов, не умели в свое время сговориться с румынским правительством. С каждым днем наша военная позиция стесняется врагами всех возможных национальностей. Болезни в войске усиливаются, заразительный тиф свирепствует, и мы теряем без войны более людей, чем во время войны. Самый мирный договор был составлен наскоро Игнатьевым в Сан-Стефано. Наскоро, потому что хотели подписать непременно к 19-му февраля. Эта страсть — приравливать всякое радостное событие к какой-нибудь царской годовщине — очень дорого нам стоит. Штурм Плевны — 30-го августа — единственно затеян был, чтобы отпраздновать день Александра Невского. Многие промахи и недомолвки в Сан-Стефанском договоре также объясняются торопливостью. Вообще, мирным договором все довольно, но мало верят в его осуществление. Видимо, турки на все согласились и даже сделали более уступок, чем от них требовали. Так, например, о сдаче Варны и Шумны в договоре перемирия ничего не было сказано. Видимо, они согласились на все в надежде, что чем сильнее будет наше торжество, тем более враждебно отнесутся к нам Англия и Австрия, и расчет их оказывается верным.

Этот отказ от деятельности князя Черкасского, хотя сделан человеком, состоящим с покойным в дружеских отношениях, свидетельствует, что Черкасский принадлежал к числу передовых государственных деятелей.

Во всяком случае его деятельность была и плодотворнее, и просвещеннее многих официальных представителей власти. Он оказал несомненные услуги

нынешнему царствованию, как по крестьянской реформе, так и по польскому вопросу, и мог бы еще быть полезнее, ежели бы интригами Шувалова и других он не был отстранен от дела и от служебного поприща. Когда, после болезни Н. А. Милютина, Черкасский отказался возвратиться в Варшаву, не чувствуя себя в силах одному бороться с наместником²² графом Бергом и со всеми петербургскими врагами, государь желал сделать Черкасского сенатором и еще приказал князю Урусову, исправляющему тогда должность министра юстиции, приготовить указ об этом назначении, то граф Шувалов, узнав об этом, с испугом приехал к Урусову и стал уговаривать его исключить это назначение. «Неужели, — говорил он Урусову, — Вы не видите, какая опасность грозит нам, ежели князь Черкасский останется в Петербурге? Разве много в нашей партии умных и способных людей? Зачем же хотите Вы поставить во враждебной нам партии способного человека? Ежели он останется в Петербурге, его будут назначать в разные комиссии и давать ему разные поручения, призывать на совет и проч. ... Этого нельзя допустить, я всеми мерами буду противиться и постараюсь устроить, чтобы это назначение не состоялось, пожалуйста, не мешайте мне».

Конечно, князь Урусов не помешал, и назначение Черкасского сенатором не состоялось. Я думаю, однако, что государь, помня заслуги Черкасского, выразит при кончине его какое-нибудь внимание к его памяти, и действительно, в газетах напечатан следующий рескрипт:

«Княгиня Екатерина Алексеева Черкасская удостоилась получить следующий рескрипт от его Величества государя императора.

27-го февраля 1878 г. СПб.

Княгиня Екатерина Алексеевна.

В тяжелом горе, которым Господь посетил Ваше любящее сердце, Вы, несомненно, будете искать облегчения в покорности его неисповедимым судьбам и в воспоминании той глубокой привязанности, которая связывала Вас с покойным супругом вашим. Присоедините к этому и воспоминание о тех заслугах Отечеству, которые оказаны были им всякий раз, когда интересы государственные вверялись мною его просвещенному и честному труду.

Среди многих утрат, понесенных мною в настоящую войну, сердечно соболезную о Вашей; желал бы искренно смягчить вашу скорбь мыслью, что в деле, еще так недавно особою доверенностью моею возложенном на Вашего супруга, он, жертвуя собою, спешил положить прочное ему основание и успел связать свое имя одинаково и с борьбою за освобождение христиан, и с христианским попечением о жертвах этой борьбы».²³

Этот рескрипт писал генерал-адъютант Исаков в комнате председателя управления Красным Крестом²⁴. Он прислал мне проект рескрипта с просьбою его просмотреть или составить новый. Мне показалось, что рескрипт имеет характер сочувственного обращения к вдове об утрате мужа. Я предложил другую редакцию, более отвечающую, по моему мнению, общественному значению прискорбного случая. Обе редакции были представлены государю, и, разумеется, была принята редакция Исакова.

1878 год

Дело о покушении на жизнь Трепова вполне разъяснилось. Преступница оказалась девица Засулич, уже прикосновенная к делам о преступной пропаганде и находившаяся под судом по делу Нечаева, решила на убийство Трепова из мести за то, что Трепов в прошедшем году приказал наказывать розгами приговоренного к каторжным работам политического арестанта Боголюбова. Дело это будет рассматриваться общим порядком с участием присяжных. По последнему делу, по которому было привлечено более 300 подсудимых и содержалось под стражей более 1000 человек, огромное большинство судом оправдано²⁵.

Дело это ведено было неестественным союзом III Отделения и Министерства юстиции самым безобразным порядком. Полная несостоятельность суда по подобным делам обнаружилась явно. К тому же самый порядок преследования и система обвинения, соединившая отдельные дела в одно общее, до того были нелепы, что невозможно было ожидать другого исхода. Власть в руках неспособных дураков есть самое сильное революционное средство.

22-го апреля. Оправдательный приговор Засулич так встревожил все общество и будет иметь, вероятно, столь важные последствия, что я считаю необходимым внести в летопись все подробности этого несчастного дела.

С.-Петербург, 21-го марта.

Сегодня в здешнем Окружном суде рассматривалось дело дочери капитана Веры Засулич, 28 лет, покушавшейся на убийство генерал-адъютанта Трепова. В обвинительном акте, между прочим, сказано: относительно предъявленного Засулич обвинения в покушении на убийство с.-петербургского градоначальника, она объяснила, что преступление совершено ею с заранее обдуманном намерением, при чем последствия произведенного ею выстрела, смерть генерал-адъютанта Трепова или нанесение ему тяжелой раны, были для нее безразличны, так как она тем или иным способом желала отомстить градоначальнику за его распоряжение наказания розгами арестанта Боголюбова.

Сведения о наказании Боголюбова, которого Засулич, по ее показаниям, совершенно не знала, были получены ею первоначально летом 1877 г. в Пензенской губернии из газет, и затем в Петербурге из рассказов разных лиц. Слух о наказании Боголюбова, по объяснению обвиняемой, хорошо знакомой с душевным состоянием лиц, лишенных свободы, произвел на нее сильное впечатление, под влиянием которого у нее родилась и созрела мысль об отмщении градоначальнику. С этой целью Засулич в конце декабря 1877 г. через посредство одного из своих знакомых, ничего не знавшего о ее намерениях, приобрела пятиствольный револьвер и утром 24-го января, находясь в приемной с.-петербургского градоначальника, на расстоянии одного или полутора аршин от генерал-адъютанта Трепова, выстрелила в него один раз из означенного револьвера. Из справки, доставленной к делу управляющим домом предварительного заключения, видно, что 13-го июля 1877-го года, по предписанию С.-Петербургского градоначальника за номером 6641, лишенный по суду всех прав состояния и приговоренный к ссылке в каторжные работы Архип Боголюбов был наказан 25-ю ударами розог как главный виновник беспорядков, происшедших в этот день в доме предварительного заключения. Около 9-ти часов вечера присяжные вынесли для Веры Засулич оправдательный приговор.

Четвертый том

От нашего корреспондента.

С.-Петербург, 1-го апреля.

В зале заседания суда по делу Засулич присутствовали высшие административные власти и избранная публика. Когда присяжные вынесли оправдательный приговор, раздался гром рукоплесканий. Перед зданием суда стояли огромные толпы.

С.-Петербург, 1-го апреля.

Вчера случилось прискорбное происшествие. С утра у здания суда толпилась публика, не попавшая в заседание по делу Засулич, так как в зале суда могло поместиться не более 200 человек.

К вечеру число ожидавших на улице приговора увеличилось. К толпе примыкали мимо проходившие лица. Когда приговор был объявлен, значительная толпа собралась на Шпалерной улице и стала против и вокруг ворот, из которых должна была выйти подсудимая. Немногочисленных полицейских офицеров свободно пропускали, расступаясь перед ними. После долгого промежутка растворились ворота, и показалась Засулич, которую встретили приветствиями и поздравлениями. Засулич, а за нею публика двинулись по Шпалерной улице по направлению к Воскресенской. Немедленно их догнал отряд жандармов при офицере, который предложил посадить Засулич в позванную им карету, для того, чтобы отвезти ее домой к матери. Из Шпалерной публика, провожавшая карету, повернула на Воскресенский проспект, дошла до Фурштатской, но возле углового дома Шуленбурга толпу остановили градские и пешие жандармы. Засулич должна была выйти из кареты. Полицейские стали осаживать публику. Вдруг раздался выстрел, вслед за тем другой. Большинство разбежалось на тротуары. Дело происходило на самом перекрестке Фурштатской и Воскресенской. Засулич и какой-то студент упали. Засулич оказалась раненной в правое предплечье. Студент, говорят, убит. Засулич отнесли к доктору Чудновскому, живущему на углу Фурштадтской, в доме Овсянникова. Так как для перевязки раны нужен был хирург, то тотчас был приглашен профессор Богдановский, не замедливший приехать.

С.-Петербург, 1-го апреля. «Северный вестник».

Сообщают, что при вчерашнем столкновении убит некто Сидорацкий и ранены швейцар соседнего дома и две женщины. Начато следствие.

Телеграмма от нашего корреспондента.

С.-Петербург, 2-е апреля.

«Новое время».

«Новое время», исправляя вчерашние свои сведения, сообщает, что ранена не Засулич, а Рафалович. Дело произошло так.

Когда Засулич была посажена в карету, чтобы ехать домой, на козлах поместился некто Сидорацкий, молодой человек 20-ти лет, которого перед тем видели у здания суда в крайне возбужденном состоянии. Едучи на козлах, он махал платком. Когда полицейские жандармы остановили публику, сопровождавшую карету, где сидела Засулич, то к карете подошел жандарм, чтобы открыть дверцу. В эту минуту сидевший на козлах Сидорацкий вынул револьвер и выстрелил. Пуля ударила в каску жандарма и в ней засела.

Тогда Сидорацкий выстрелил второй раз, и пуля попала в стоявшую около кареты женщину — г-жу Рафалович, которая упала. После этого Сидорацкий скакивает с козел, подбегает к соседнему дому, несколько секунд рассматривает толпу как-то рассеянно и безумно, приставляет револьвер к виску, раздается выстрел, он падает мертвым. При нем найден шестиствольный револьвер, в котором оставалось 3 заряда. Вынутые из раны Рафалович, из каски жандарма, из черепа

1878 год

самого Сидорацкого пули все одного калибра, все, очевидно, выпущены из одного револьвера. Рана, нанесенная г-же Рафалович, оказывается неопасною.

«Голос».

Во время столкновения арестовано несколько человек, утверждают, будто бы аресты продолжаются. Куда уехала Засулич — неизвестно²⁶.

3-го апреля. Воспрещена розничная продажа за распространение ложных известий «Нового времени» и «Северного вестника».

Правительственное сообщение.

31-го марта, при исходе 7-го часа пополудни, окончилось в С.-Петербургском окружном суде заседание по делу о покушении на жизнь генерала-адъютанта Трепова. Толпа молодежи, собравшаяся на Шпалерной улице, встретила оправданную Веру Засулич сочувственными криками и провожала ее по Шпалерной улице. Близ дома предварительного заключения Засулич поместилась вместе с какою-то женщиной и молодым человеком в карету, приведенную околоточным надзирателем. Толпа сопровождала экипаж, направившийся по Воскресенскому проспекту. Достигнув угла Фурштатской, карета повернула по этой улице, но была остановлена полицией, просившею толпу разойтись и предоставить Засулич уехать. Во время этих переговоров раздались последовательно два выстрела, почти без промежутка, через минуту и третий. Оказалось, что один выстрел пробил каску жандарма, стоявшего около кареты, второй ранил в правую руку мещанку Рафаилову, стоявшую там же, третий убил дворянина Григория Сидорацкого, найденного на Воскресенском проспекте, против дома Шуленбурга, шагах в 20-ти от угла Фурштатской и Воскресенского проспекта. Ввиду сих обстоятельств, судебный следователь 13-го участка г. С.-Петербурга приступил к производству предварительного следствия. Означенным следствием установлены следующие данные: свидетельскими указаниями установлено, что два первых выстрела последовали с угла Воскресенского проспекта и Фурштатской улицы от дома графа Шуленбурга и направлены были в лиц, окружавших карету. Так, по показанию Анны Устиновой-Рафаиловой, слушательницы женских курсов при Мариинском родовспомогательном институте, она была ранена близ самого экипажа. Рядовой жандармского дивизиона Федор Иванович Микулин, каска которого оказалась пробитою, стоял тоже у кареты рядом с полицмейстером Дворжицким и приставом Хоменко с правой стороны кареты, т. е. на пространстве между домом Шуленбурга и экипажем. Остальные жандармы находились на противоположной стороне Фурштатской улицы, около дома Овсянникова, ныне дома Елисеева. Дворянин Григорий Сидорацкий застрелился на Воскресенском проспекте, шагах в 20-ти от угла Фурштатской, пройдя дом Шуленбурга, на глазах у свидетелей — рабочего патронного завода Сергея Владимировича и городского Петрова. Около него найден револьвер системы Смит-Вессон, среднего калибра. Из бокового кармана покойного следователь вынул кобуру от этого револьвера, из кармана — 10 патронов к нему же. В барабане револьвера оказались только два заряженных патрона и 3 пустые гильзы. Доктор Чудновский представил следователю пулю, вынутую профессором Богдановским из правой руки раненой Рафаиловой. К делу приобщена следователем каска рядового Микулина, имеющая значительную вдавленность в гербе, разбитом с левой стороны на полвершка, причем весь передний левый щит герба с левой стороны вогнут внутрь и разбит с края. Сама пуля засела между колпаком каски и медною лапкой арматуры. Врач литейной части, производивший по тре-

бованию судебного следователя 13-го участка, в присутствии дежурного ординатора Мариинской больницы Сыренского, судебно-медицинское вскрытие тела покойного Сидорацкого, представил пулю, вынутую из черепа умершего, высказал при этом по данным, обнаруженным вскрытием, следующее мнение: смерть Сидорацкого последовала от огнестрельной раны в полость черепа и повреждения головного мозга. По свойству кожи, которая обуглена в окружности раны, можно предположить, что выстрел был сделан в упор или на очень близком расстоянии. Направление выстрела было не горизонтальное, а снизу вверх. Пули, представленные доктором Чудновским, врачом Горским и засевшая в каске жандарма оказались тождественными как между собою, так равно и с двумя оставшимися в барабане револьвера и десятью пулями патронов, вынутых из кармана пальто Сидорацкого. Карета, в которой сидела Засулич, уехала по Фурштатской тотчас после первого выстрела. Свидетели происшествия удостоверили, что последовали только три выстрела. Толпа начала разбегаться после первого выстрела. Конные жандармы прибыли после окончания происшествия и были отпущены немедленно полицией.

Чтобы понять причину столь безобразного решения суда, а также чтобы понять то сочувствие, с которым часть присутствующей в суде публики приняла оправдательный приговор, и то почти единодушное прославление во всех газетах этого решения, необходимо прочесть во всех подробностях все бывшие на суде прения. Привожу целиком весь процесс как образец, до чего может быть доведен суд, когда реформой его и направлением руководят люди неспособные и неопытные.

Стенографические отчеты²⁷. Из одного только чтения стенографического отчета судебного заседания по делу Засулич можно легко себе представить, как сильно и возбуждительно должно было действовать на присяжных и на публику все судебное следствие и прения сторон. Но чтение далеко не оставляет того впечатления, какое производит вся живая драма, на суде происходившая. Все было как бы нарочно устроено, чтобы суд над преступницей, покусившейся на жизнь человека, был обращен в суд над возмутительными действиями не только Трепова, но вообще всей полицейской и преследовательной власти. Я пришел в суд довольно поздно, я не слышал всего судебного следствия, в котором, судя по стенографическому отчету, напечатанному с пропусками, раскрывалась вся безобразная и возмутительная картина тюремного неустройства. Я не слышал первой половины защитительной речи и аплодисментов публики. Тем не менее, когда я увидел состав присяжных, услышал отказ прокурора возражать на речь защитника и услышал отвлеченно-беспристрастную речь председателя, я, не дождавшись вердикта присяжных, вышел из суда с полным убеждением, что Засулич будет оправдана, и так был в этом уверен, что держал с Дмитриевым пари, которое и выиграл. Я был убежден в оправдательном приговоре по следующим причинам.

1. Будучи близко знаком с разными слоями петербургского общества, я сейчас узнал, какой господствующий дух в группе 12-ти лиц, составлявших собрание присяжных, и увидел ясно, что со стороны обвинительной власти и председателя суда ничего нельзя было придумать верного для достижения цели оп-

равдания, как то, что было сделано, допущено и сказано на суде как прокурором, так и председателем. Оставляя даже в стороне всю силу влияния на нервы присяжных пятчасового слушания самых возмутительных вещей и присутствие подсудимой, державшей себя все время весьма прилично, нельзя сомневаться в том, что многие из присяжных могли вынести из всего ими слышанного и виденного полное убеждение, что сама обвиняющая власть желает оправдания. Нигде, а тем более у нас, где суд присяжных есть еще дело новое, нигде слова председателя не принимаются иначе, как за руководство. Такого идеального беспристрастия, какое показал председатель г. Кони²⁸ в своей заключительной речи, конечно, никто не ожидал, в особенности после отказа прокурора возражать защитнику, говорившему с большим талантом и увлечением. Идеальное беспристрастие председателя, противопоставление резкому, страстному слову защитника, показалось всем как бы умышленным желанием направить присяжных к оправданию. Можно ли было думать, что в таком важном политическом деле суд, в лице своего председателя, решился бы без цели действовать по всем тонким правилам отвлеченной юридической науки и, оставя совершенно без внимания действительность и грозящую опасность, заботился бы только о теоретически верном соблюдении форм судопроизводства? А между тем я вовсе не предполагаю ни в прокуроре, ни в председателе какого-либо злого умысла и действительного желания вызвать оправдательный вердикт присяжных. Отчего же произошел этот скандал? Оттого, что делу Засулич, очевидно, по существу своему имеющему характер дела политического, дано было направление простого преступления — покушения на убийство, и председателем суда назначен был человек, хотя весьма способный, но неопытный в председательском звании. Он был прекрасным прокурором, и в этом звании мог бы быть весьма полезным, ибо обладает несомненным талантом обвинения.

Граф Пален — министр юстиции — вместо того, чтобы сохранить подобного человека в прокуратуре, сделал его сперва вице-директором Департамента юстиции, где способности и талант его напрасно истощались в канцелярской работе, а потом сделал его председателем окружного суда, не понимая того, что совершенно иные свойства требуются от председателя суда. Г. Кони не имеет ни фигуры, ни положения, ни характера, ни сознательного спокойствия, нужных для руководства судом. Лопухин, бывший перед тем председателем, гораздо менее способный, чем Кони, был несоразмерно лучшим председателем. Его же граф Пален сделал прокурором — и тоже наперекор его способностям. Я не сомневаюсь, что ежели бы Кони был прокурором, а Лопухин был бы председателем, то дело Засулич получило бы иной исход. Сам Лопухин не обвинял, а поручил одному из товарищей своих, весьма малоспособному, после того как два способных товарища отказались от обвинения, потому что нашли, что потерпевшая сторона не внушает симпатии. Этот один факт доказывает, до какой распущенности дошла судебная власть, в особенности в Петербурге, где все назначения делаются непосредственно министром. Граф Пален добрый и честный человек, но вовсе не способен быть в настоящее время министром юстиции. Неудачными назначениями и частными распоряжениями он не только не устранил народного антагонизма между судебною и административными вла-

стями, который возник, к сожалению, при самом начале введения судебной реформы, а напротив, усилил этот антагонизм, и суд принял у нас весьма прискорбное направление, поставив себя в какое-то особое положение вне круга общих государственных интересов и ставя себе как бы в заслугу не сообразоваться с действительным ходом и явлениями жизни. Это отрицательное отношение к действительности, с одной стороны, и безыскусственное пристрастие к форме, преобладающей в решениях Кассационного департамента Сена-та, с другой стороны, дали суду нашему какое-то болезненное и безжизненное направление, которое очень трудно будет исправить. Об этом я имею в виду на досуге составить особую записку.

Другая причина, по которой я, по выходе из суда, был убежден, что дело Засулич будет решено оправдательным вердиктом присяжных, заключается в том, что я не сомневался в восприимчивом и легко увлекаемом характере нашей публики, а следовательно, и присяжных. Требовать от русской публики, чтобы она, после десятичасового напряжения и возбужденного состояния нервов, могло бы тут же, без перерыва, без отдыха для физического и нравственного успокоения, сама сказать себе, что теперь наступает минута спокойного и хладнокровного обсуждения факта преступления, совершенно независимо от причин, вызвавших его, что настала минута, где нужно перестать чувствовать, а только спокойно и хладнокровно обсуждать практическую сторону дела, требовать такой внезапной метаморфозы от русских людей — значит не знать русской натуры. Ежели бы такой трезвый и спокойный темперамент преобладал бы в русском обществе, то мы, конечно, не перешли бы Балканы. Нельзя требовать от людей, чтобы они только в известных случаях увлекались и в нравственных порывах находили силы творить чудеса безумной отваги, храбрости, великодушия, самоотвержения, доброты и снисхождения, а в других случаях внезапно заглушали бы в себе все эти чувства. Дело в том, что всякое учреждение, а тем более суд, при сохранении тех же принципов и тех же форм, должен в каждом народе искать свои особенности, сообразно особенностям и характеру народа. Эти особенности не всегда могут быть выражены в законе. Они осуществляются на практике людьми, руководящими реформами. К сожалению, у нас руководителями при введении реформы суда были люди, во всех отношениях неискусные. Они не только <не> устранили на практике, но даже усилили недостатки законодательства. Так что можно сказать, что нашу судебную реформу мамки с детства зашибли. С грустью пишу все это, ибо в лучшие годы моей жизни судебная реформа была мною чаема, и я много содействовал к возбуждению вопроса об этой реформе. Конечно, я никогда не мечтал идти так далеко и так радикально, как пошли наши реформаторы, захвативши в свои руки дело и сами не зная, что делают. Но как бы то ни было, и с такими капитальными недостатками, какими отличались наши судебные уставы, я надеялся, что жизнь и практика исправят эти недостатки, но вышло наоборот. И мне кажется, что недалеко то время, когда потребуется приступить опять к новой существенной реформе многих частей нашего судопроизводства и судоустройства. Я, конечно, и не мечтаю быть когда-либо призван к этому делу, но на досуге я постараюсь изложить свои по этому мысли. Может быть, кому-нибудь со временем при-

годятся. Теперь, без сомнения, вследствие оправдания Засулич начнутся всякого рода попытки для изменения каких-либо частных, но все это вздор, и граф Пален решительно неспособен предложить и сделать что-либо дельное²⁹.

А между тем внутреннее брожение в России с каждым днем усиливается, и чтобы бороться с ним, правительство должно явиться во всеоружии. Суд должен быть верным и надежным орудием для ограждения общества. По политическим делам решительно настоящий порядок производства следствия и суда непригоден. Полиция, со своей стороны, не имеет ни умения, ни опытности для предупреждения даже случаев открытого сопротивления, даже на улицах. Эпизод побоища, происходившего на улице после окончания процесса Засулич, окончившийся исчезновением оправданной подсудимой, которую, впрочем, решено было на всякий случай задержать, может служить образцом нераспорядительности полиции и жандармского ведомства.

Во все время процесса близ здания суда стояла толпа, ожидавшая окончательного приговора, можно было наверное сказать, что будет какая-нибудь манифестация. А между тем для предупреждения не было принято никаких мер. И только, как будто на смех, на днях министр внутренних дел изрек следующие бессмысленные слова:

«Правительственный вестник», 12-го апреля.

1. Когда соберется народ в шумном и беспорядочном скопище, то полиция должна заставить толпу разойтись по домам и в случае нужды требовать содействия от местных батальонов или команд.

2. Полиция имеет надзор, чтобы никто в противность должного послушания законным властям ничего не предпринимал. Она пресекает в самом начале всякую новизну, законам противную.

3. В случае покушения, клонящегося к нарушению спокойствия, полиция обязана уведомить о том губернское правление и губернатора, не допускать такого приведения покушения в исполнение и смирить нарушителей покоя по мере данной ей власти, в чем всякий, по силе и возможности, обязан ей содействовать.

4. Полиция наблюдает, чтобы благочиние, добронравие, порядок и все, предписанное законом для общей и частной пользы, было исполняемо и сохраняемо, а в случае нарушения приводить всякого, несмотря на лицо, к исполнению предписанного законом³⁰.

Это наивное напоминание действующих законов без всяких комментариев внушительными словами изобличает какую-то непонятную вялость. Между тем брожение молодежи, на которую влияют, без сомнения, и современные политические события, и безнаказанность, принимает все более и более наступательный характер.

«С.-Петербург. 10-го апреля. (От нашего корреспондента).

В «Правительственном вестнике» напечатано следующее сообщение о беспорядках в Киевском университете: «По поводу арестования прокурорским надзором в Киеве некоторых лиц, привлеченных в дознании о преступной пропаганде, в том числе одного из студентов университета Св. Владимира, обвиняемого по делу о покушении 23-го февраля на жизнь товарища прокурора Киевской палаты

Котляревского, происходили между некоторыми студентами означенного университета волнения, получившие довольно значительное развитие. Кружок студентов, принимавших участие в этом волнении, начал 15-го марта собираться в сходки в здании университета для обсуждения, по-видимому, только мер, которые можно было принять со стороны их, студентов, для освобождения их товарища, взятого под арест. Некоторые из этих студентов являлись в этот период развития настоящего дела к ректору университета и попечителю учебного округа с просьбой принять участие в судьбе их товарища, арестованного, по их убеждению, без вины, и вместе с тем жаловались на притеснительные и оскорбительные, по их, студентов, мнению, действия киевской полиции по отношению к ним. Как ректор, так и попечитель обратили внимание на неуместность их просьбы, так как виновность или невиновность их товарища может быть раскрыта лишь следствием и определена судом, причем попечитель в объяснениях своих с явившимися к нему студентами присовокупил, что дело студентов — заниматься науками, а не толковать о том, что до них не касается, и указал им на все прискорбные последствия для тех из них, которые будут продолжать идти по тому ложному пути мысли и дела, которые замечаются в настоящем их поступке.

Что касается действий полиции, в случае оскорбления ею кого-либо из студентов каждый обиженный может жаловаться за себя, и тогда жалоба его, без сомнения, будет выслушана и принята во внимание. Самое верное средство избежать так называемых придинок полиции — не давать ей повода к тому нарушением порядка где бы то ни было. Несмотря на эти увещания, сходки продолжались в здании университета и приняли характер более шумный. Число участвовавших в них студентов значительно увеличилось, посему ректор университета видел себя вынужденным войти 20-го марта в университетскую лекторию, где происходили сходки, объявив находящимся там студентам, что они нарушают весьма известные им правила, и потребовал, чтобы они немедленно разошлись.

Когда требование это было исполнено только меньшинством присутствующих, то в лекторию прибыл попечитель — генерал-лейтенант Антонович. На вопрос попечителя, зачем студенты собрались, ближайшие к нему объявили, что они обсуждали средства к освобождению товарища, которого считают невиновным, и что, получив отказ от всех, к кому обращались, ищут средства взять его на поруки. На вопрос попечителя, кто им разрешил избрать лекторию местом сходки для обсуждения каких бы то ни было дел, тогда как им известно, что сходки не только в университете, но и вне его воспрещены правилами, в соблюдении которых каждый из них дал подписку при вступлении в университет, послышался из задних рядов ответ: «Мы разрешили, студенты разрешили», сопровождаемый возбужденным движением в массе. Для прекращения такого возбуждения попечитель объявил студентам еще раз существующее правило о недопущении сходок в стенах университета и предании виновных за сходки университетскому суду, присовокупил, что он пришел исполнить свой долг и исполнит его во что бы то ни стало, что он признает присутствующих виновными в сходке в здании университета и в неповиновении университетскому начальству и что виновные будут преданы университетскому суду, для чего тотчас была сделана перепись всех присутствовавших. Засим студенты разошлись, и лектория была заперта с вывешиванием объявления о ее закрытии впредь до распоряжения. В последующий затем день, 21-го марта, студенты собрались в университете опять в довольно значительном числе, и из них более 50-ти не бывших на сходке предшествовавшего дня записали свои имена в число тех, которые отказались от повиновения университетскому

начальству. После сего сходок в здании университета больше не было и между студентами возобновилось спокойствие. Впрочем, чтение лекций все это время не было прерываемо, и студенты посещали оные по обыкновению.

Университетский суд по настоящему делу открыл свои действия 28-го марта. Число привлеченных к суду простиралось до 142 студентов. Рассмотрению суда подлежали, как видно из предыдущего, два факта нарушения университетских правил: воспрещенные сходки в стенах университета и открытое неповиновение университетскому начальству. При вызове и опросе на заседаниях суда отдельно каждого из привлеченных студентов все они, за немногими исключениями, отказались от дачи каких-либо объяснений, находя незаконным опрос каждого обвиняемого без присутствия других обвиняемых по тому же делу, по крайней мере тех, которые вызваны на то же заседание и уже опрошены. Так как на основании действующих в отношении к университетскому суду постановлений такой порядок допроса допущен быть не мог, то суд должен был прибегнуть к другим данным для определения виновности определяемых студентов. 29-го марта университетский суд постановил следующее решение: 49 студентов, изобличенных в сходках и неповиновении университетскому начальству, сверх того, замеченных уже прежде в неодобрительном поведении, — исключить из университета с тем, чтобы в течение трех лет, считая в том числе текущий академический год, не принимать в другие учебные заведения. 75 студентов, изобличенных в том же, но прежде не замеченных в неодобрительном поведении, — удалить из университета на два года с тем, чтобы в течение двух лет, считая в том числе текущий год, не принимать их в университет Св. Владимира, ни в какое другое учебное заведение. 10 студентам, признанным виновными в том же, но имевшим одобрение за прежнее поведение и занятия — предложить самим оставить университет Св. Владимира. 8 студентам, объяснившим перед судом, что, хотя они были прежде на сходках, но вышли по требованию начальства, — сделать строгий выговор. Решение университетского суда, утвержденное Советом университета большинством 35-ти голосов против 4-х, попечителем учебного округа приведено в настоящее время в исполнение, и для прекращения дальнейших беспорядков приняты меры к удалению исключенных студентов из Киева. В заключение необходимо изъяснить, что, по общему убеждению, господствующему в Киеве, весьма прискорбные беспорядки, вынудившие университет для собственного своего ограждения принять строгие меры против виновных в этих беспорядках лиц, возбуждены извне людьми известного направления, враждебного существующему порядку, к которому примкнули некоторые из студентов. Под предлогом ходатайства за товарища, которого эти лица провозгласили невинно арестованным, они искали случая произвести беспорядки, которые повели бы к закрытию университета и возбуждения этим средством в молодежи общего неудовольствия. Очень может быть, что большинство студентов из привлеченных к суду чистосердечно увлекались желанием помочь товарищу, будто невинному, вовсе не подозревая, что они служат орудием в руках неведомых им личностей, стремящихся к иным целям. Вероятно, теми пагубными влияниями следует объяснить поведение обвиняемых при допросе их в университетском суде — поведение, которое, не говоря о полной незаконности оно, лишило университет отнестись к обвиняемым не иначе, как он это сделал. В отношении к другим студентам университета Св. Владимира справедливость требует заявить, что они в беспорядках, произведенных их товарищами, не участвовали, даже, по достоверным сведениям, многие приходили на первые сходки с намерением образумить увлекающихся и, не успев в этом, отказались от всякой с ними солидарности”».

Сегодня в 3 часа пополудни с почтовым поездом Курской железной дороги были привезены в Москву 15 студентов Киевского университета, высланных отсюда за беспорядки по университетскому суду в разные губернии под надзор полиции. Ко времени прибытия поезда на станции собралась толпа разных молодых людей известной категории, около 150 человек, и при выходе пересылаемых студентов из вагона встретила их громкими криками сочувствия. Пересылаемые студенты были посажены в 4 кареты, которые под конвоем были направлены в пересыльную тюрьму. Толпа молодых людей последовала за каретами и своими криками «Ура» и «Шапки долой» возбуждала внимание прохожих, присоединявшихся к шествию. Когда кареты повернули к Охотному ряду, толпа быстро увеличилась массами народа, предполагавшими, что «Ура» раздается в честь раненых. Когда же люди из народа на свои вопросы получили ответ, что везут в ссылку «пострадавших за правду», то картина мгновенно изменилась. С криками «бей изменников Белого царя» народ бросился на толпу агитаторов и мгновенно смял ее. Она была оттеснена до старого университета, где народ совершенно окружил ее, продолжая свою расправу... Раздражение усилилось, когда у некоторых молодых людей оказались револьверы. Бежавших народ преследовал по окрестным улицам. Кареты с пересылаемыми между тем безостановочно продолжали путь на Колымажный двор.

Полиция восстановила порядок, а появление генерал-губернатора совершенно успокоило народ, который громадной массой окружал университет, держа его как бы в осаде. Толпы разошлись, и занимавшиеся в химической лаборатории студенты могли, наконец, под покровительством генерал-губернатора безопасно выйти на улицу и разойтись по домам. Это ответ русского простого народа на скандал «избранной публики», бывший 31-го марта в Петербурге³¹.

По поводу дела Засулич, как и следовало ожидать, начали придумывать разные законодательные меры второпях, без всякого смысла. Граф Пален внес, по высочайшему повелению, две меры:

- 1) О новой подсудности по государственным преступлениям и по преступлениям против управления.
- 2) О предоставлении министру юстиции права лишать присяжных защитников права защиты на суде.

Оба эти представления, наскоро написанные, не выдерживают ни малейшей критики и, не достигши никакой цели, были рассмотрены в Совете. В департаменте я принимал деятельное участие в рассмотрении этих представлений. Первое из них, о новой подсудности дел по преступлениям государственным и проч. ..., по моему мнению, будет иметь особенно вредные последствия. Дела по преступлениям государственным и весь почти четвертый разряд передаются в судебные палаты с участием сословных представителей. Я сильно против этого восстал, полагая во всех отношениях более удобным производить их просто без участия присяжных в окружных судах и палатах. Когда дело перешло в Общее собрание, то великий князь перед заседанием призывал меня в кабинет и настоятельно выражал желание, чтобы я не протестовал, указывая на то, что государь уже меру эту одобрил. По этому случаю я имел весьма неприятный и грустный разговор с великим князем и не отказался от права своего выра-

1878 год

жать свое мнение. В Общем собрании вышло разногласие: с мнением, которое я поддерживал, согласилось несколько членов, более, чем можно было ожидать, ибо все знали, что этот вопрос уже решенный. Государь, конечно, утвердил мнение большинства, и эта бессмысленная и на практике невозможная подсудность теперь уже превратилась в закон. Но я уверен, что ненадолго, ибо все неудобства ее скоро обнаружатся.

Вторая мера, о присяжных поверенных, даже не дошла до Общего собрания. Пален взял назад свое представление после суждения в департаменте. Он слишком «морализован» и, вероятно, не останется министром юстиции. Тимашев и Валуев, со своей стороны, сильно на него нападали, хотя в предварительном совещании сами вызвали его на эту меру. Говорят, Пален ждет только отмены Кассационным департаментом приговора по делу Засулич, чтобы подать в отставку.

Депеша 20-го мая.

«Сегодня в уголовном Кассационном департаменте Правительствующего Сената, в составе 25 господ сенаторов, слушался кассационный протест товарища прокурора Петербургского окружного суда г. Кесселя по делу Засулич. Председательствовал первоприсутствующий сенатор М. Е. Ковалевский, дело докладывал сенатор П. А. Дейер, заключение давал исправляющий должность обер-прокурора Н. Н. Шрейбер, который полагал отменить решение суда и присяжных заседателей. Публики в зале заседания собралось весьма много, не считая даже тех, которых впускали по билетам. Защитник Засулич — присяжный поверенный Александров — представил свои возражения.

Правительствующий Сенат по делу Засулич определил: решение присяжных заседателей и решение суда за нарушением 575 и 576 статей Устава уголовного судопроизводства отменить и дело передать для нового рассмотрения в Новгородский окружной суд».

Это решение не имеет никакого значения, потому что подсудимая скрылась и ее не могут никак отыскать, да, вероятно, и не ищут, ибо было бы глупо начинать опять это несчастное дело.

На Берлинских конференциях³², по всем газетным известиям, нас топчут в грязь. Стыдно и плачевно читать, какую роль играют наши дипломаты...

Аксаков прислал мне из Москвы речь, сказанную им в Славянском комитете³³. Вот она.

**Речь, произнесенная
председателем Московского славянского благотворительного общества
в общем собрании членов 22-го июня**

Милостивые государи.

Надгробным словом начались наши последние два собрания. Четыре месяца тому назад хоронили мы человека³⁴, знаменитого дарованиями, самоотверженно послужившего святому русскому делу — делу освобождения и созидания славянского мира. Мы оплакивали преждевременную смерть гражданского строителя вновь исхищенной из турецких когтей Болгарии, последовавшую в

самый день подписания Сан-Стефанского договора, и прославляли имя, связавшее себя неразрывно с одним из «величайших христианских деяний современной истории». В самом деле, вся Болгария была призвана к новой жизни, не было уже ни одного христианина-раба на всем пространстве болгарского расселения от Дуная до Марицы.

Не опять ли хоронить собрались мы сегодня, но уже не человека, а миллионы людей, целые страны — свободу болгар, независимость сербов? Хоронить великое, святое русское дело, заветы и предания предков, наши собственные обеты, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совесть?

Нет, нет и нет... Скажите вы все, здесь собравшиеся, неужели это не сон, не просто страшные грезы, хотя бы и наяву? Неужели и впрямь на каждом из нас уже горит неизгладимое клеймо позора? Не мерещится ли нам все то, что мы видим, слышим, читаем?

Или наоборот, прошлое было грезой? Галлюцинация, не более как галлюцинация все то, чем мы утешались и славились еще менее полугода тому назад... и пленные турецкие армии под Плевной, Шипкой и на Кавказе, и зимний переход русских войск через Балканы, и геройские подвиги наших солдат, потрясшие мир изумлением, и торжественное шествие их вплоть до Царьграда, — эти необычайные победы, купленные десятками тысяч русских жизней, эти несметные жертвы, принесенные русским народом, эти порывы, это священнодействие народного духа, — все это сказки, миф, порождение распаленной фантазии, может быть, даже измышление «московских фанатиков»? Не было ни побед, ни победоносных вождей, ни пролитой русской крови, ни избиения турками христиан, ни избавления русскими христиан... Однако же полсотни тысяч солдат, раненных, больных, изувеченных, призываются теперь на всем пространстве России, однако победоносные вожди возвратились и всенародно, во свидетельство русских побед возведены в сан фельдмаршалов³⁵... Это уже, кажется, не мечта, а действительность. Однако еще недавно, в самом Петербурге, с флагами, пением народного гимна на улицах, с торжественным молебном и пальбою из Петропавловской крепости праздновалось официальное обнародование Сан-Стефанского договора, скрепленного подписью нашего Кабинета и ныне разрываемого в клочки.

Но если все это было, возможно ли же быть тому, что есть, что творится теперь там, на Конгрессе, что служит прямым отрицанием, противоречием, надругательством всему бывшему? Ужели хоть долю правды должны мы признать во всех этих корреспонденциях и телеграммах, которые ежедневно, ежечасно на всех языках, во все концы света разносят теперь из Берлина позорные вести о наших уступках и, передаваясь в ведение всего народа, ни разу не опровергнутые русской властью, то жгут его стыдом и жалят совесть, то дают недоумение. Какую же картину рисуют перед ним все эти публичные сказания? Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, подъятых тобою трудах, молишь простить тебе твои победы? Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваливая твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, склоняешь под нее свою многострадальную голову...

Ложь, если в таком чудовищном образе и представляется Россия из берлинских писем и телеграмм, то самая чудовищность служит лучшей порукой, что этому не бывать. Не то чтобы мы сомневались в справедливости сообщений о

замыслах и притязаниях Англии с Австрией, руководимых пресловутой маклерской честностью³⁶ германского канцлера. Нисколько. Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры этой исторической аксиомы, как и никаких уроков истории не ведают только русские дипломаты да петербургские руководящие сферы...

Более чем вероятными — увы — признаем мы также сообщения о действиях наших представителей на Конгрессе: навеки не забыть нам услуг, оказанных русской дипломатией России в эти последние два года. Но каких бы щедрых уступок во вред России и к выгоде наших врагов ни натворили русские дипломаты, разве Россия, в лице своего верховного представителя, сказала свое последнее слово? Не верим, чтобы все эти щедроты на счет русской крови и чести были одобрены высшей властью; не верим и не поверим, пока не появится о том официальное правительственное извещение.

Но даже и предположить подобное извещение было бы преступлением против достоинства власти...

И в самом деле, мыслимо ли, чтобы весь этот колоссальный абсурд, эта ошеломляющая нелепость решений Конгресса, это сплошное надругательство над Россией могло бы когда-либо стать совершившимся фактом?..

Посудите сами: из-за чего возгорелась война, из-за какого ближайшего повода? Из-за турецкой повальной резни, совершенной над населением Болгарии. Какая главная возведенная задача войны? Вырвать болгарское племя из-под турецкого ига. Никакая и никогда война не возбудила такого всеобщего на Руси сочувствия и одушевления, не вызвала столько жертвоприношений любви, не заслужила названия «народной», как именно эта война, благодаря именно этой задаче. При переходе наших войск через Дунай императорская прокламация объявляет болгар свободными. Немедленно, по высочайшей воле, полагается³⁷ правильно начало гражданской организации края и всюду, по мере его занятия, вводится нами не временное военно-полицейское, а прочное гражданское управление. После исполинских усилий русские войска преодолевают Балканы, русские власти водворяют новый строй и по всей южной Болгарии. Сан-Стефанским договором, скрепленным подписью императора России и подписью самого турецкого падишаха, вся Болгария по обе стороны Балкан возводится в княжество. Российский императорский верховный комиссар торжественно водворяется в главном южно-болгарском городе Филиппополе и делает уже приготовления к созыву народного собрания...

Поверила, наконец, несчастная страдальница-страна своему избавлению, с радостью отдалась вере в свою будущность, вздохнула свободно — и вдруг... С соизволения той же самой великодушной избавительницы России, как по живому телу, распиливается Болгария на две части, и лучшая и плодороднейшая ее часть, та именно, которая наиболее истерзана, осрамлена турецкими зверствами, возвращается в турецкое рабство... Русские же победоносные войска, те самые, что ценою своей крови добыли свободу Болгарии, приглашаются вновь закрепить их побежденному извергу и, так сказать, собственноручно отвести христианских жен на поругание, детей на посрамление, всех на лютую турецкую месть за то, что верили в русскую власть, за братское сочувствие к русским...

А еще в Петербурге, как пишут в газетах, множество легкомысленной военной молодежи и всяких государственных недоростков, возвращающихся в петербургских гостиных, позволяют себе повально глумиться над болгарями и бранить их <за> недостаток будто бы доверия и радушия к русским... Не говоря уже о том, как несправедливо, как бессердечно относиться таким образом на основа-

нии частных случаев огульно ко всему народу, да еще к народу нравственно забитому, удрученному пятивековым гнусным рабством, спрашиваешь их: как, по их мнению, после всех наших торжественных и нарушенных обещаний достойны оказываемся мы любви и доверия болгар?..

Бедный русский солдат, тебе стыдно будет и глаза поднять на этих твоих «братушек»... за что же, благодаря русской дипломатии, будешь ты заклеен в памяти болгарского народа ненавистным названием предателя....

И осмелится кто-нибудь поверить, чтобы такие результаты Конгресса были освящены согласием русской власти... Да что же такое случилось?.. Не претерпели ли мы поражения, страшного, поголовного, хуже даже Седана, потому что и после Седана Франция не пошла на мир и отбивалась пять месяцев. Ничего не случилось, только притопнул лорд Биконсфильд³⁸ да Австрия погрозила пальцем: так, по крайней мере, повествуют наши газеты. Русская дипломатия, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна, и никто больше...

Все это тем более невероятно, что русскому правительству менее, чем кому-либо, можно убаюкивать себя надеждою, что участь южных болгар вполне обеспечивается назначением христианского губернатора и введением некоторых реформ. Оно слишком богато историческим опытом, да и не оно ли само, на Константинопольской конференции с такою силою обличало несостоятельность всех гарантий такого рода? Тем более, что Англия не дозволила истолкования этих реформ в широком смысле административной автономии и допустила их единственно приличия ради и для облегчения России ее политического отступления. Не только не в интересе Англии оградить южных болгар от всякого посягательства на их права личные и общечеловеческие, но вся задача поставленного ею на Конгрессе вопроса в том только и состоит, чтобы вытравить их из южной Болгарии, всякий след болгарской народности уничтожить. Ей запрещается даже и именовать себя Болгарией. Ведь христианским губернатором может быть назначен и англичанин вроде Бекер-Паши и известного английского консула болгароубийцы. Ненависть и ожесточение британского первого министра к Болгарии, невинной виновнице последней войны, доросли до таких размеров, что лорд Биконсфильд не прочь был бы видеть повторение турецкой резни 1876-го года, только с меньшим скандалом и в более легальной форме. Он заботливо обеспечил себе возможность повального истребления болгарского в Румелии племени при первом признаке мятежа.

Именно для того, как официально разъяснено самой Англией, чтобы предоставить туркам все средства к немедленному подавлению всякого восстания христиан в самом начале его, по всей южной Болгарии будут тянуться турецкие этапные пункты, и Балканы послужат постоянным местом пребывания турецких полчищ, которые, таким образом, могут во всякую минуту низринуться как в долину Тунджи и Марицы, так и в придунайскую Болгарию. Признаки мятежа... Да и теперь в Румелии только присутствие двухсоттысячной русской армии едва-едва сдерживает взрывы мести и озлобления между турками и болгарам... Вот какая перспектива открыта решением Конгресса для болгарского населения, а официальный, на казенные деньги издающийся в русской столице орган чужестранных интересов — «Журнал С.-Петербургский»³⁹, смеет извещать, что России нечего беспокоиться, что ее жертвы принесены не напрасно, что свобода и безопасность христиан вполне обеспечены... Бывают самообольщения, хотя и грубые, но искренние и невольные: они еще могут служить каким-то извинением человеку. Им нет места в настоящем случае: здесь может быть только один вольный, преступный обман собственной совести.

Не такова совесть русского народа. И если после не совсем торжественной ретирады императорского комиссара из Филиппополя в Тырново, после удаления русских войск за Балканы возобновятся случаи турецкого зверства, и вновь прольется христианская кровь, и вновь надругается турок над христианскими женщинами, и дойдет о том до слуха России, не воспрянет ли она, как уязвленная, вся, как один человек, и ринется, посылая проклятия своим дипломатам...

Ринется?.. Как бы не так. Именно против этих великодушных русских народных порывов и приняты меры лордом Биконсфильдом сообща с русскими дипломатами. Британский министр, с бесцеремонностью сознающий свои силы, так прямо и объявил, что вся его задача — оградить Турцию от новой победоносной русской войны, как бы там ни мучились христиане. Одним словом, что весь Конгресс — не что иное, как открытый заговор против русского народа. Заговор с участием самих представителей России... Так как опыт показал, что Балканы, считавшиеся до сих пор непреодолимою естественною преградой, не могли сдерживать стремления наших войск, то, по решению Конгресса, по всему Балканскому хребту будут возведены, конечно, с помощью английских денег и инженеров, такие турецкие укрепления с надежными турецкими гарнизонами, которые сотворили бы из Балкан твердыню, действительно непреодолимую.

Вот к чему послужила вся балканская отрада русским солдатам. Стоило для этого отмораживать ноги тысячами во время пятимесячного Шипкинского сидения, стоило гибнуть в снегах и льдинах, выдерживать бешеные атаки сулеймановских полчищ, совершать неслыханный, невиданный переход через досягающие до неба скалы. Не успели герои Шипки, имя которой стало так любезно, так сродни народному слуху, не успели они вернуться домой и утешиться благодарностью соотчичей, как воочию перед ними, против них же, русских солдат, преодоленные ими преграды обращаются в непреодолимые... Без краски стыда и жгучей боли нельзя уже будет теперь русскому человеку даже произнести имя Шипки, Карлова, Баязета и всех тех мест, прославленных русским мужеством, усеянных русскими могилами, которые вновь теперь передаются туркам на осквернение... Добром же помянут эту кампанию и русских дипломатов возвратившиеся солдаты.

И мы отважимся поверить, что на все это последовало одобрение верховной власти? Никогда...

Наша дипломатия хочет утешиться тем, что она добилась на Конгрессе: возведения Придунайской Болгарии в княжество. О, простота, простота... Неужели можно думать, что после такого открытого заявления своих замыслов Англия и Австрия позволят свободное и самостоятельное, в национальном духе, развитие Придунайского болгарского края? Неужели можно ожидать, что Англия и Австрия не примут всех нужных им мер для того, чтобы парализовать всякое значение этого княжества и поработить его себе в политическом и экономическом отношении? Англия уже заявила свое требование участвовать в гражданской организации княжества.

Затем все второстепенные подробности, все «детали» решено установить после Конгресса посредством особых комиссий и посольства в Царьград: уступив в главном, стоит ли препираться о мелочах? Русские дипломаты за мелочами гоняться не любят. Но сеть мелочей, систематически сотканная Англией и Австрией, так окутает Придунайское болгарское княжество, как будто оно сжато железными обручами, и не высвободиться ему из них.

Да меры уже и приняты. Если Сан-Стефанский договор, по сознанию всего русского общества, грешил явною несправедливостью по отношению к Сербии,

Боснии и Герцеговине, то Конгресс взялся исправить эту ошибку. Сербии принарезается несколько квадратных миль, но зато австрийские войска вступят в Боснию и Герцеговину. С умиленным единодушием все державы, исключая Турцию, но не исключая России, благословили Австрию на оккупацию, без сомнения бессрочную, этих двух славянских земель, а потом на подчинение себе, в той или иной благовидной форме, в военном, политическом и экономическом отношении и независимой Сербии, и независимой Черногории, и всей балканской продольной полосы полуострова, вдоль Западных границ Болгарии вплоть до Эгейского моря. Русская дипломатия видит в этом даже какое-то особенное торжество своей политики, и с увлечением, которому граф Андраши даже не вдруг поверил, приветствовали, как новую эру, разграничение влияния Австрии и России на Балканском полуострове.

Нет таких и слов, чтобы заклеить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России. Согласиться на такое решение — значит подписать свое самоотречение как главы и верховной представительницы славянского и всего восточнохристианского мира, значит утратить не только свое обаяние, не только сочувствие, но и уважение славянских племен, наших естественных, наших единственных союзников в Европе. Свобода, самообытное развитие и преуспевание духовных стихий для славян только в единении любви с русским народом... Иначе решает русская дипломатия. Для того только православный русский народ, единый, могучий и независимый из всех славянских народов, для того только и пролил ты свою драгоценную кровь, принес в жертву сотни тысяч твоих сынов, для того ты разорвался и временно обнищал, стяжал себе поистине венец страстотерпца и мученика, чтобы собственными победами унижить себя как славянскую державу, расширить владения, умножить силу врагов твоих и всего славянства и подчинить православных славян господству немецкой и католической стихии... Напрасный мученик, одураченный победитель, — полюбуйся на свое дело...

Если во время Константинопольской конференции мы говорили в таком же собрании, что щеки пылают у России от получаемых ею пощечин, что же сказать теперь, при этих ежедневных, торжественных заушениях?

А русские дипломаты, если верить газетам, только расписываются в получении и просят взамен для России лишь аттестата о «бескорыстности». Поистине бескорыстно, и в аттестате им не отказывают.

Слово немеет, мысль останавливается, пораженная перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепства... Самый злейший враг России и престола не мог бы изобрести чего-либо пагубнее для нашего внутреннего спокойствия и мира. Вот они, наши настоящие нигилисты, для которых не существует в России ни русской народности, ни православия, ни предания, которые, как нигилисты вроде Боголюбковых, Засулич и К°, одинаково лишены всякого исторического сознания и всякого национального чувства. И те и другие — иностранцы в России и поют с чужого европейского голоса; и те и другие чужды своего народа, смотрят на него как на *T a b l a r a s a**, презирают его органические духовные начала, стараются сдвинуть его с пути, заповеданного ему историей, и направить насильно на путь противоестественный. Все они — близкая друг другу родня, порождения одного семени, хотя и различествуют бытом, воспитанием и нравом, доктринами и, главное, степенью самосознания. Предоставляю вам самим решить, кто же, однако, из них, сознательных и

* чистая доска (лат.)

бессознательных, грубо анархических и утонченных государственных нигилистов, — в сущности, опаснее для России, для ее народного духовного преуспеяния и государственного достоинства.

Неужели же, в самом деле, Турции, грозящей в своем смелом сопротивлении обратиться в ничто всемудрый Конгресс, суждено явиться ангелом-спасителем русской чести?

Нет, что бы ни происходило там, на Конгрессе, как бы ни распиналась русская честь, но жив и властен ее вечный оберегатель, он же и мститель... Если в вас, при одном чтении газет, кровь закипает в жилах, что же должен испытывать царь России, несущий за нее ответственность перед историей? Не он ли сам назвал дело нашей войны «святым», не он ли, по возвращении из-за Дуная, объявил торжественно приветствовавшим его депутатам Москвы и других русских народов, что святое дело будет доведено до конца? Страшны ужасы брани, и сердце государя не может легкомысленно призывать возобновления смертей и кровопролития для своих самоотверженных подданных, но не уступками в ущерб совести и чести могут быть предотвращены эти бедствия. Россия не желает войны, но еще менее желает позорного мира. Спросите любого русского из народа, не предпочтет ли он биться до истощения крови и сил, только бы избежать сраму русскому имени, только бы не предать христиан-братьев... Еще не стыдно уступить превосходной соединенной силе врагов, после долгих героических боищ, как уступили мы в 1858-м году, без урона для своей славы, как уступила недавно Франция. Но уступать п р е д у п р е д и т е л ь н о, без боя и выстрела, это было бы уже не уступкою, а отступничеством. Да и кто бы в Европе действительно теперь отважился на войну? Не Англии же, в самом деле, с ее индийскими чудищами можем мы опасаться на суше, а от войны на море она потерпит сильнее, чем мы. Не Австрия же, у которой, по выражению покойного Тютчева, все тело — ахиллесова пята, которая войны с Россией пуще всего боится, потому что только от одной решимости России зависит вызвать на свет божий «Австрийский вопрос». Несокрушим и непобедим русский царь, если только он с ясностью исторического сознания, с твердою верою в предназначение своего народа, отложив в сторону попечения об интересах западноевропейских держав, интересах своекорыстных и нам враждебных, возденет, по выражению наших древних грамот, «высоко-грозно и честно» в своей длани зная славян и всего восточного христианства.

Волнуется, ропщет, негодует народ, смущаемый ежедневными сообщениями о Берлинском конгрессе, и ждет, как благой вести, решения свыше. Ждет и надеется.

Не солжет его надежда, потому что не переломится царское слово: «святое дело будет доведено до конца».

Долг верноподданных велит всем нам надеяться и верить, долг же верноподданных не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающие средостение между царем и землею, между царскою мыслью и народною думою. Неужели и в самом деле может раздаться нам сверху в ответ внушительное слово: «Молчите, честные уста», «гласите лишь вы, лесь да кривда»...

Эта речь была сказана прежде, чем были известны протоколы Берлинской конференции, и прежде ратификации самого договора. Она была, несмотря на запрещение, напечатана в «Гражданине», за что газета эта была приостановлена на 6 месяцев. Несмотря на сомнения Аксакова, выраженные им в последних словах его речи, «раздалось сверху внушительное слово: молчите, честные уста».

Сперва ему объявлен был через московского военного губернатора, по высочайшему повелению, строгий выговор. Потом велено было отправиться в деревню и оттуда не выезжать, а потом велено было совсем закрыть московский Славянский комитет. Раздражение против Аксакова в высших административных сферах не имеет предела. Сознание бесплодности подобных одноличных резких заявлений должно было бы, по-моему, удержать Аксакова от публичного выражения справедливого негодования в столь резкой форме. То, что сказано в речи, все это повторяется во всей России на все лады. Факты сами по себе так громко говорят, что общество не нуждается в их разъяснениях. Война обнаружила беспримерную силу русских войск и силу народного духа, но вместе с тем обличила перед всей Россией полную несостоятельность правительства и его дипломатии. Она доказала ясно то, в чем я не сомневался в начале войны, а именно, что война начинается и ведется без определенной мысли и для целей отвлеченных, к которым со стороны правительства нет ни малейшего сочувствия,⁴⁰ что идут защищать народность, которую презирают, охранять веру, к которой более чем равнодушны, племя, к которому стыдятся принадлежать. Когда, наконец, пришло время формулировать, в чем же, наконец, заключаются нравственные и материальные интересы России в восточном вопросе, тогда ясно обнаружилось, что лица, стоящие во главе правления, не только не сочувствуют и не понимают этих интересов, но прямо столько же им враждебны, как англичане и австрийцы. Этим вполне объясняется легкость, с которой делались все уступки. В глазах государя самым существенным сделался вопрос о возвращении нам части отторгнутой от нас в его царствование Парижским трактатом Бессарабии. Это удовлетворило его личному пониманию чести царствования, и он за этот вопрос стоял твердо, и дипломаты наши только об этом заботились. И этого достигли: все прочее им представилось делом пустым — выдумкою Аксакова и К^о.

Слепое и ни на чем не основанное доверие в силу политического союза с Пруссией и Австрией вызвало с нашей стороны желание конференции, на которую мы в действительности явились как подсудимые, не имея за себя ни одного голоса. Правда, что, допустив англичан войти в Дарданеллы и остановив движение наших войск в Галлиполи и в Константинополе, мы уже окончательно и безвозвратно потеряли дело, но самая эта капитальная ошибка была последствием шаткости сознания цели войны и действительного расположения к нам наших союзников. Англичане ясно сознавали, в чем заключаются их интересы на Востоке, а потому действовали смело и решительно. Мы же, напротив, как бы ощупью <шли> по дороге, не ведая, куда она нас приведет и зачем мы идем. История обнаружит всю крайность нашего несчастного заблуждения. Можно бы было приписать какому-нибудь особому чуду, ежели бы в царствование Александра Николаевича, которому инстинктивно противны все национальные начала, министры, подобные Горчакову, Уварову, Тимашеву, Валуву и Грейгу и проч. и проч., могли бы осуществить какую-либо заветную мысль русского народа и идти по стопам Петра и Екатерины. Подняв знамя славянства, передать охрану его людям, прямо враждебным, — значит надеяться на какое-нибудь сверхъестественное чудо. Я, признаюсь, в начале войны несколько на это на-

деялся. Мне казалось, что Бог так все устраивает, чтобы ни в ком не осталось бы ни малейшего сомнения в непосредственном вмешательстве его в судьбы русского народа. Но чуда этого не последовало, а вот теперь на Аксакове вымещается вся злоба, накопившаяся в наших правителях на славянский вопрос. К общему чувству негодования за унижительные условия мира и за торжество англичан присоединяется, однако, также общее желание скорейшего наступления мирного времени. Усталость и, главное, отсутствие всякого доверия к правительству останавливает воинственные порывы самых воинственных людей. Газеты наполнены статьями, в которых выражается негодование против Англии и указывается на непрочность мира. Войска также устали и желают скорейшего возвращения на родину. Поэтому можно ожидать, что война прекратится, только, конечно, ненадолго.

Говорят, государь получил по городской почте следующие стихи:

Свершилось. Опять на съеденье зверям
Европой мы брошены, братья,
И скоро вослед вновь послышатся нам
И стоны, и плач, и проклятья...

Великий предательский подвиг свершен...
Ликуйте же вы, мужи совета...
Христос вами снова к кресту пригвожден...
Жидами — и в честь Магомета...

И Вы, Вы, любимцы врагов и молвы,
Вы с именем Русским ликуйте,
Как Иуда бессмертен — бессмертны и вы,
Победу врагов торжествуйте...

Ура... Вы сумели низвергнуть во прах,
В кровавую грязь затоптали
Венец лучезарный, что в грозных боях
Орлы наши кровью стяжали.

Берлинский договор будет объявлен указом Сената, но без манифеста.

Граф Пален подал в отставку, и она принята. На место его назначен министром юстиции статс-секретарь Набоков, бывший некогда моим товарищем по училищу, а потом приглашенный мною в вице-директора Комиссариатского департамента Морского министерства.

Все время служения моего по Морскому министерству он был при мне вице-директором, и по выходе моем из сего министерства занял должность мою директором. Потом, когда великий князь Константин Николаевич был назначен в Варшаву⁴¹, он взял Набокова к себе в качестве секретаря. По возвращении великого князя он состоял при нем, а когда Николай Алексеевич Милютин заболел, то Набокову поручено <было> занять его место начальником канцелярии Управления по делам Царства Польского. В этом звании он состоял до прошедшего года, т. е. до упразднения этой канцелярии, после чего он сделан был членом Государственного совета. Выбор Набокова при настоящих обстоятельст-

вах можно считать удачным. В обществе и Министерстве <юстиции> очень рады этому назначению, особенно потому, что слух прошел о назначении на пост министра юстиции князя Ливена — товарища министра государственных имуществ, заслужившего к себе всеобщее нерасположение и неуважение.

Набоков принадлежит к школе людей, работавших в первое десятилетие настоящего царствования; без особенно блестящих способностей, в нем есть добрые начала, которые он не утратил, несмотря на то что удержался в управлении при всех переменах в людях, последовавших в последнее десятилетие. Он этому обязан частью скромности своих способностей и скромностью своего положения. Его в России не знают, он не имел в России никакой репутации, не принадлежал ни к какой партии. Государь к нему привык, так как он имел у него доклад по делам Царства Польского, он считает его лично ему очень преданным, что в его глазах составляет главное и будто бы в настоящее время редкое достоинство. Особенно выдаваться какими-либо способностями ни в дурную, ни в хорошую сторону Набоков не будет, а потому, ежели будет здоров, то, вероятно, долго усидит на своем месте. С давнего времени я нахожусь с Набоковым в самых дружественных отношениях. Мы с ним в свое время много работали вместе в Морском министерстве, когда это министерство стояло во главе всех реформ и занималось вопросами, не до одного морского дела относящимися, но принимало на себя инициативу и разработки всех общих государственных вопросов. Это время останется надолго памятным, и оно оставило по себе заметный след в истории. Люди того времени хотя и не обладали равными способностями и не имели равного успеха, но, несомненно, движимы были равными чувствами и стремлениями к общему благу. Характер этой деятельности совершенно изменился, и, к сожалению, в деятелях настоящего времени преобладает стремление совершенно иного свойства. Набоков принадлежит к числу людей, в которых еще не иссякла живая струя, оплодотворяющая человека. Он не обратит себя всецело на потворство всякой лжи для личных честолюбивых целей. Насколько способности его ему позволят, он будет служить общему делу, и вот почему я приветствую назначение его на должность министра юстиции.

10-го июня. Вот ряд назначений, о которых объявлено сегодня в газетах.

**Именные высочайшие Указы.
Правительствующему Сенату.**

I.

Нашего статс-секретаря, действительного тайного советника Рейтерна всемилостивейше увольняем, согласно прошению его, по расстроенному здоровью, от должности министра финансов с оставлением членом Государственного совета и в звании статс-секретаря.

II.

Государственному контролеру, сенатору, нашему генерал-адъютанту, полному генералу Грейгу всемилостивейше повелеваем быть министром финансов с оставлением в званиях генерал-адъютанта и сенатора.

1878 год

Ш.

Государственному секретарю, статс-секретарю нашему, действительному тайному советнику Сольскому всемилостивейше повелеваем быть государственным контролером с оставлением в звании статс-секретаря.

Государственному совету.

Нашему статс-секретарю, управляющему делами Департамента законов Государственного совета и Особого присутствия о воинской повинности, тайному советнику Перетцу всемилостивейше повелеваем быть государственным секретарем с оставлением в звании статс-секретаря.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Александр.

В Царском Селе.

7-го июля 1878-го года.

Об отставке Рейтерна давно уже говорили⁴², но о назначении ему преемника мнения были различны. Все эти назначения были замечательны и вполне характеризуют время, в которое мы живем.

Рейтерн выходит из министерства с честным именем и с доброю памятью. Он вполне заслужил следующий рескрипт:

Высочайшая грамота.

Нашему статс-секретарю, члену Государственного совета, действительному тайному советнику —

Михаилу Рейтерну.

С искренним сожалением, снизойдя на просьбу Вашу об увольнении Вас, по расстроеному трудами здоровью, от должности министра финансов, мы вмняем себе в сердечный долг почтить воспоминанием доблестную деятельность Вашу, и в особенности те важные услуги, которые Вы оказали государству в течение 16 лет управления министерством финансов. Вы были призваны в министры в трудное время, когда, вследствие оконченной недавно перед тем войны и обширных внутренних преобразований, требовались чрезвычайные усилия, дабы вывести финансы империи на путь правильного развития. К выполнению возложенной на Вас задачи Вы приступили с твердою верою в будущность России, с ясно сознанною мыслью, что благосостояние государственного хозяйства зиждется на богатстве народа и обусловливается увеличением производительных сил его. Рядом мер, по указаниям нашим, Вами непосредственно или при ближайшем содействии Вашем настойчиво и неуклонно приведенных в исполнение, достигнуты были замечательные результаты: в несколько лет построена обширная сеть железных дорог; промышленное и торговое движение приняло небывалые дотоле размеры; государственные доходы стали быстро возрастать, и ежегодный избыток их против расходов сменил прежние хронические дефициты наших бюджетов; наконец, кредит государства, несмотря на увеличившуюся сумму обязательств казны, значительно возвысился и упрочился. Благодаря сим успехам страна могла вынести и огромные тягости последней войны с непоколебимым доверием и внутри, и извне к ее силам.

Признавая справедливым ознаменовать столь плодотворное по своим последствиям достославное служение Ваше изъявлением особенного нашего благоволе-

Четвертый том

ния, мы пожаловали Вас кавалером императорского ордена нашего святого апостола Андрея Первозванного, знаки коего, при этом препровождаемые, повелеваем Вам возложить на себя и носить по установлению. Знаки сии, свидетельствуя перед лицом России о государственных заслугах Ваших, да будут для Вас выражением и нашей душевной признательности за неутомимо-ревностные, просвещенные, блестящими успехами отмеченные труды Ваши на пользу престола и отечества.

Пребываем к Вам императорскою нашею милостью неизменно благосклонны.

На подлинной собственною его императорского величества рукою подписано:

Александр.

В Царском Селе.

7-го июля 1878 г.

Об отставке Рейтерна я узнал в деревне, куда ездил на днях. По возвращении в Петербург я написал Рейтерну письмо следующего содержания:

«Вчера, по возвращении из деревни, почтенный Михаил Христофорович, прочел я рескрипт, Вами полученный. Он порадует всех честных людей, хотя в нем не сказано того, чем особенно отличалась Ваша государственная деятельность и чем умели Вы приобрести доверие, любовь и уважение всей России. В Москве и в провинции слух о Вашем выходе из министерства уже пришел, и я могу Вам засвидетельствовать, что такого искреннего и единогодушного отзыва о высоких качествах человека я давно не слышал.

От всей души поздравляю Вас, почтенный Михаил Христофорович, и с монаршей наградой, и с честною памятью, оставляемую Вами в министерстве. Лично я никогда не забуду все, чем я Вам обязан. Примите мою искреннюю, сердечную благодарность за искреннюю дружбу, за то внимание, которым я пользовался, служа под начальством Вашим. Все время этой службы я считаю лучшим временем моей жизни, и это потому, что, сочувствуя Вашему благородному направлению, я думаю, что со своей стороны также успел принести некоторую пользу. Круг деятелей нашего понимания редет, мы начинаем уже жить воспоминаниями. В моей памяти Вы живете светлым и отрадным воспоминанием. Теперь уже, вероятно, Вы очень заняты, но на днях я явлюсь к Вам, чтобы лично поздравить Вас».

В ответ на это письмо я получил от Рейтерна следующее:

«От души благодарю Вас, любезный князь Димитрий Александрович, за Ваше письмо. Я вступил в период воспоминаний и все эти дни думал о том, что я прожил эти годы, не без грусти, но вместе с тем часто вспоминал о Вас и невольно считал Вашу дружбу приобретением неотъемлемым, мне принадлежащим.

От души Ваш — М. Рейтерн».

То, что я писал Рейтерну, то истинно думаю. Мне подробно известна вся прежняя служба и, можно сказать, вся жизнь Рейтерна. Он окончил курс в Лицее и поступил на службу в Министерство юстиции, служил в Сенате. Когда Головнин начал подбирать людей, чтобы формировать управление в Морском министерстве для великого князя Константина Николаевича, с целью окружить

его, по возможности, честными и дельными людьми, он пригласил Рейтерна, почти одновременно со мною, поступить в Морское министерство, предварительно предупредив его, чтобы он особенно занялся финансовою частью, так как желательно было бы образовать из Рейтерна будущего финансового деятеля. В Морском министерстве Рейтерн сперва занимался в Строительном департаменте преобразованием системы, изменением квартирного довольствия и потом, по окончании войны⁴³, Рейтерн командирован был за границу в Европу и Америку для изучения финансов. По возвращении его в Россию ему поручено было заведование эмеритальной кассой Морского ведомства, между тем он продолжал заниматься финансами и при содействии графа Нессельроде и князя Орлова назначен производителем дела в Комитете железных дорог и в Финансовом комитете. После увольнения Княжевича Рейтерн был назначен управляющим Министерством финансов, а я на место его был назначен управляющим эмеритальной кассой Морского ведомства. Теоретическое образование Рейтерна давало ему полное право на должность министра финансов. Но малое знакомство с Россией возбуждало во многих опасения за успех его деятельности. Этот недостаток, однако, пополнялся тем, что Рейтерн добросовестно и внимательно относился к особым явлениям русской жизни и не грешил излишней самоуверенностью, в особенности в первое время. Несмотря на то, коммерческий и финансовый мир наш не был к нему расположен в начале. В особенности после неудачной попытки восстановления ценности кредитного рубля⁴⁴ посредством открытия размена. Общее мнение к нему было весьма недоброжелательно, и все действия его подверглись критике. Но скоро все изменилось, в состав министерства были призваны им люди способные и деятельные. Усилия его увеличить производительные силы государства посредством усиленной постройки железных дорог, развития кредита, улучшения тарифа, уравновешения бюджета — увенчались успехом. Рейтерн стал пользоваться большим доверием и уважением в финансовом мире. Личные его качества безусловно этому содействовали. Он — человек честный, правдивый, на слова которого можно было всегда полагаться. Одним словом, он человек дела. И ежели бы не особенно невыгодные обстоятельства, при которых приходится действовать министру финансов в самодержавном государстве, в особенности в нынешнее царствование, то результаты деятельности Рейтерна были бы благотворны.

Преемник его Грейг (генерал) — совершенно иных свойств и качеств человек. На нем стоит остановиться, ибо этот господин есть поистине герой нашего времени и представляет собою тип современных государственных деятелей. Отец Грейга, по народности англичанин, некогда известный и заслуженный адмирал. Мать его — жидовка, самого низшего происхождения, еще и до сих пор жива. По происхождению своему, следовательно, Самуил Грейг связи с Россией никакой не имеет. Воспитывался он в Пажеском корпусе и, по выходе в офицеры в Конногвардейский полк, вместе с графом Петром Шуваловым занимался исключительно балетом, вместе с Шуваловым связались они с танцовщицами, от которых прижили детей. Шувалов впоследствии бросил эту танцовщицу и детей и женился на вдове графа Орлова-Денисова, а Грейг продолжал свою связь, и только года три тому назад, когда дочери его выросли, он женился

на своей любовнице, и этот бесспорно благородный поступок, конечно, делает ему честь... С первых шагов своей службы Грейг обнаружил большую ловкость. Умел приладиться к князю Меншикову, который взял его к себе в адъютанты, и он был при нем в начале Крымской войны. Меншиков прислал его к государю Николаю Павловичу с известием о несчастном Альманском сражении. Это известие так поразило Николая Павловича и передано было ему так резко Грейгом, что государь, говорят, в самых строгих словах разразился гневом на него. Другой человек попал бы в немилость после такого приключения, но Грейг сумел повернуть дело в свою пользу и вскоре попал в адъютанты к великому князю Константину Николаевичу. Но прежде этого он вернулся в Крым к князю Меншикову и под Инкерманом был, кстати, контужен в голову, вследствие чего он до сих пор носит фуражку как инвалид и более в военных действиях не участвовал. При великом князе он в первое время занимал должность походного гофмейстера, т. е. заведовал буфетом и проч. ..., но никаким серьезным делом не занимался. Великим князем в то время управлял Головин, и Грейг чувствовал, что ему тут хода не будет. После войны великий князь поехал за границу, а Грейг, неизвестно мне, почему, с ним не поехал и просил великого князя прикомандировать его для занятий в какой-нибудь департамент. Великий князь просил меня взять его к себе, ибо я был тогда директором Контрольного департамента⁴⁵ Морского министерства. Предлагая мне Грейга, великий князь сказал мне, что Грейг желает ознакомиться с администрацией и производством дел, а потому просил меня, чтобы во время своего отсутствия я ознакомил его с делом. Я охотно согласился, и Грейг занимался у меня несколько месяцев. В это время он очень часто бывал у меня, и я давал ему читать не только дела, но и книги и часто с ним беседовал о разных общих вопросах. Мне он казался способным, любознательным молодым человеком, и когда по возвращении великого князя Грейг просил меня написать о нем аттестацию великому князю, я засвидетельствовал о его занятиях и прибавил, что он мог бы с пользой быть употреблен по административной части. Вскоре потом Грейг был прикомандирован к Канцелярии Морского министерства, которой управлял тогда граф Толстой⁴⁶, нынешний министр народного просвещения. В отсутствие его Грейг замещал его и, мало-помалу входя в доверие великого князя, подвигался, а с назначением адмирала Краббе морским министром Грейг сделался директором Канцелярии. Тут начали они с Краббе хлопотать и интриговать об удалении от великого князя всех лиц, к которым он по Морскому министерству имел доверие. Вели они свои дела так ловко, что скоро, в особенности после назначения Головина министром народного просвещения, они сделались лицами совершенно полновластными. В это время я тоже перешел в Министерство финансов директором Таможенного департамента. Главным руководителем был Грейг; Краббе, пустой балагур, держался его ловкостью и умением. С удалением всех лиц, близких великому князю, Грейг сделался единственным фаворитом. Чтобы достичь этого, он не пренебрегал никакими средствами и, между прочим, с особым успехом пользовался слабостями великого князя к прекрасному полу. Он ввел его в балетный мир, и так как великий князь склонен всему предаваться с увлечением, то Грейгу нетрудно было устранить великую

княгиню от всякого влияния и положить начало тому семейному раздору, который и до сих пор продолжается. Но все это Грейг делал так ловко, что участие его во всех этих мерзостях было почти незаметно. Между тем приятель его, граф Шувалов, со своей стороны, лез в гору, и несмотря на то, что Шувалов принадлежал к совершенно другому лагерю, чем великий князь, Грейг сумел сохранить с обоими и даже со всеми разнородными личностями приятельские отношения. При этом он не упустил ни одного случая, чтобы внешними и необыкновенными отличиями поставить себя в какое-то исключительное положение. В 60-х годах, когда после упорной, безуспешной борьбы с военным министром за сокращение расходов по Военному ведомству Рейтерн решительно просил государя о своем увольнении⁴⁷ и когда на предложенных им двух кандидатов на должность министра финансов — Н. А. Милютина и А. А. Абазу — государь не согласился, то Рейтерн назвал Грейга, и государь сейчас же заявил согласие свое с тем, чтобы Рейтерн взял Грейга на некоторое время себе товарищем, для того чтобы ознакомиться с делами. Впоследствии Рейтерн остался министром, а Грейг при нем товарищем, управляя в отсутствие министра министерством. Я, в качестве директора, ходил к нему с докладом. Будучи совершенно самостоятельным начальником части, я не ощущал ни малейшего неудовольствия, и мы постоянно были с Грейгом в самых лучших отношениях. После смерти Чевкина Абаза — бывший государственный контролер — был назначен председателем Департамента экономии⁴⁸, а Грейг — на его место государственным контролером. Судить о способностях и деятельности государственного человека у нас весьма трудно, ибо редко представляются случаи, в которых бы проявилась личная инициатива деятеля.

Во всю мою жизнь Грейг ничего такого не сделал, ничего не сказал, ничего не написал, из чего бы можно было судить о его финансовых или других познаниях. Несомненно только одно, что много потратил ума, энергии, ловкости, находчивости и нахальства для личной своей пользы, и ежели он хотя половину этих качеств приложит к делу, то можно ожидать успеха. Но, к сожалению, на том пути, по которому шел Грейг для достижения личных своих целей, нельзя было не утратить качества, необходимые для государственного человека. Чтобы получить чин полного генерала, единственно ему одному присвоенный (есть генералы от инфантерии, генералы от кавалерии, инженеры-генералы, есть адмиралы, но чин полного генерала имеет только один Грейг, потому что он носит морской мундир, но во флоте никогда не служил); чтобы носить морской мундир адмирала, никогда не будучи моряком; чтобы иметь двух дочерей, прижитых до брака фрейлинами; чтобы ежегодно получать чины, звезды и денежные награды; чтобы со всеми противоположными мнениями быть в согласии и при этом дерзко высказываться, когда нужно, — для всего этого нужно столько ловкости и акробатического искусства, что для дела едва ли останется много честных сил и ума. Особенно замечательна способность Грейга вывертываться из затруднений и обращать их в свою пользу. Разительный пример представляет действие в качестве контролера. В одном из отчетов своих, разбирая действия морского министра, он с изумительною дерзостью и правдивостью изобразил разные неустройства в этом министерстве. В это время

Краббе был еще жив, но лежал разбитый параличом и не мог ни говорить, ни писать. С искусством выгородив великого князя, он всю ответственность взвалил на Краббе, хотя он был главным виновником всего уничтожения флота, ибо они с Краббе действовали заодно. Ежели бы Краббе умер, он не решился бы это написать, ибо государю лично не понравится такое обвинение покойника. Ежели бы Краббе был здоров, он также бы воздержался от обвинения его, боясь его оправданий, но он воспользовался безответным состоянием еще живого человека и показался в глазах государя правдивым контролером, не щадящим даже приятеля.

Несравненно способнее и достойнее во всех отношениях занять место министра финансов было бы Александру Аггеевичу Абазе, ныне занимающему должность председателя Департамента экономии, но именно потому, что все признают за ним эти способности, и что он пользуется известностью, владелец больших имений и потому имеющий связь со страной и принимающий горячо к сердцу ее интересы — именно потому его и не назначают.

Точно так же Островский, как товарищ контролера и как человек, работающий в контроле вместе с основателем его — Татариновым, обладающим большими познаниями по этой части, человек, во всех отношениях почтенный и добросовестный, составивший себе репутацию в России, имел полное право занять место Грейга в Комитете⁴⁹, но именно потому, что он обладает этими достоинствами, — он не назначен, а призван на должность государственного контролера Сольский, занимавший до сих пор место государственного секретаря.

Сольский не имеет ни малейшего понятия о контроле, ни вообще о финансах, никогда по этой части не занимался и назначением своим единственно обязан своей бесцветности и неизвестности. Кроме Петербурга, он нигде в России не был, никаких отношений и интересов в крае он не имеет. Он выведен был в люди покойным графом Корфом и принадлежал совершенно к его школе сухих бюрократов-редакторов. Когда он сделан был при Корфе товарищем начальника II Отделения⁵⁰, я обрадовался этому назначению, ибо имел случай удостовериться в его способностях как редактора и человека, обладающего даром слова. Я надеялся, что из него выйдет полезный деятель, так как он был тогда еще весьма молодым человеком, но впоследствии я совершенно в нем разочаровался. Он убил все свои способности в бесплодной канцелярской деятельности, утратил всякую самостоятельность и теперь представляет из себя тип высшего петербургского чиновника, в котором угасла всякая искра одушевления. Он принял с удовольствием место контролера только потому, что будет пользоваться хорошим содержанием, квартирой и всеми атрибутами министра. На месте его государственным секретарем назначен Перетц — еврейского происхождения, человек способный для канцелярской работы и больше ничего.

Все эти рекомендации на новые назначения сделаны великим князем Константином Николаевичем, на которого, в свою очередь, влияет та гнусная среда, в которой он теперь вращается. Этот человек, вышедший из рук и влияния хороших людей, сделался теперь решительно одним из самых вредных людей в России. Видит Бог, что я произношу такое резкое и строгое суждение о людях без малейшего озлобленного личного чувства, я не имею ни малей-

шей претензии на какое-либо деятельное участие теперь в управлении и решительно не принял бы никакого места, на которое прежде мог бы себя считать кандидатом.

Теперь мало общего между мною и всеми другими лицами, стоящими во главе управления. Ни способности мои, ни характер не выдержали бы бесплодной борьбы. Я настолько был близок к центру власти, чтобы убедиться, что власть в настоящее время лишена всякого обаяния. Я для того заново пишу мое суждение о лицах, чтобы показать, какими путями власть, в форме самодержавной, сама подкапывает свое основание и быстро стремится в пропасть. Теперь можно сказать, что между неспособными и чуждыми России органами правительства и кинжальщиками нет середины.

В течение последних 9-ти или 13-ти лет правительство с таким недоверием и презрением относится ко всему, что только мыслило, чувствовало и возбуждало доверие в России, что все полезные деятели разошлись по своим углам и уровень во всех ступенях управления понизился до ничтожества. При этом те учреждения, которые еще сохраняли за собою некоторый авторитет, как то: Сенат и Государственный совет, лишились всякого значения, а личный престиж власти, представляемый министрами, совершенно утрачен ничтожностью занимавших сии должности людей. Доказательством тому, как низко упало звание министра, может служить тот факт, что Павел Иванович Шамшин, товарищ министра финансов, — человек, который в прежнее время не имел бы протекций и не шел бы дальше должности начальника отделения⁵¹, теперь решительно отказывается оставаться в должности товарища министра, доказывая, что ему оскорбительно и унижительно оставаться в этой должности при новом министре. Он мне это доказывал на днях самым убедительным образом. Но еще удивительнее то, что Грейг не отпускает Шамшина и уговаривает его оставаться, ибо не может найти ему преемника.

Вот до чего мы дожили...

10-го августа. Вот до чего мы дожили... Так кончил я свою последнюю летопись, не предвидя тогда того безобразия, до которого мы действительно дожили:

С.-Петербург, 5-го августа. Правительственное сообщение.

«В 9 часов утра, 4-го сего августа, шеф жандармов, генерал-адъютант Мезенцов, во время обычной своей утренней прогулки шел по Михайловской площади, от часовни у Гостиного двора на Невском, в сопровождении отставного полковника Макарова. На углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, близ дома кондитера Кочурова, на него неожиданно бросился неизвестный молодой человек, прилично одетый, в сером пальто и очках, сильно ударил его кинжалом в нижнюю часть живота и побежал по Большой Итальянской улице. За ним в погоню бросился полковник Макаров с криками «держи, держи...», причем, размахивая зонтиком, бессознательно ударил убийцу. В ту же минуту другой молодой человек, тоже прилично одетый, в длинном синем пальто и в черной пуховой шляпе, с черными усами, выстрелил из револьвера почти в упор в полковника Макарова. Пуля пролетела мимо головы последнего. Оба убийцы, пользу-

Четвертый том

ьясь многолюдством Итальянской улицы, вскочили на ожидавшие их на Итальянской дрожки, запряженные хорошою вороною лошадыю. На козлах сидел молодой кучер с черными усами без бороды. Сев в дрожки, злоумышленники понеслись по Малой Садовой и скрылись.

Полковник Макаров, безуспешно кричавший «ловите, держите...», возвратился к раненому, который, не потеряв присутствия духа, на вопрос испуганных приказчиков Кочкурова «кого ранили?», отвечал, что рана нанесена ему, причем указал на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшего из соседнего дома камергера Бодиско генерал-адъютант Мезенцов дошел до угла Малой Садовой, где его посадили на извозчика. Оттуда он доехал до своей квартиры у Цепного моста на Фонтанке. Значительное истечение крови вскоре обессилило раненого. Приглашенный в 11 часов доктор Мамонов, осмотрев больного, нашел его положение весьма серьезным. Весть о катастрофе быстро разнеслась по Петербургу. Изумленная и негодующая толпа народа, собравшаяся на месте происшествия, долго не расходилась, толкуя об ужасном событии. Прибывшие вслед за доктором Мамоновым врачи оказали все должные пособия раненому, но, несмотря на все их усилия, шеф жандармов, генерал-адъютант Мезенцов в 5 часов 15 мин. дня 4-го августа скончался».

С.-Петербург, 7-го августа.

«Отпевание тела генерал-адъютанта Мезенцова назначено завтра в церкви Штаба отдельного корпуса жандармов. Толпы народа приходят поклониться телу.

Лицо покойного выражает полное спокойствие. Вскрытие показало, что удар кинжалом нанесен был опытной рукой и прошел немного ниже последнего ребра с правой стороны груди. В отверстие раны входят свободно два пальца. Печень и часть желудка насквозь пробиты».

Правительственное сообщение

«Ряд возмутительных и преступных деяний, предпринятых горстью злонамеренных людей с целью поколебать существующий в России строй государственного правления, достиг 4-го августа крайней степени злодеяния совершением в здешней столице убийства шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова. Правительство, несмотря на обнаруживавшиеся по временам проявления пропаганды преступного свойства, с особенным долготерпением направило все подлежащие дела о пропагандистах путем, указанным законом, воздерживаясь от принятия каких-либо особых чрезвычайных мер.

Ныне терпение правительства исчерпано до конца. Ныне оно считает долгом и своей святой обязанностью по отношению к каждому честному и доброму гражданину русского государства оградить частную общественную жизнь и права собственности от тех правонарушений, которые, по их зловредному и преступному свойству, задерживают спокойное и равномерное развитие государственной жизни и правильное исполнение разнородными органами управления возложенных на них законом обязанностей.

Правительство не может и не должно относиться к людям, глумящимся над законом и попирающим все, что дорого и священо русскому народу, так, как оно относится к остальным верноподданным государя. Еще менее может оно оставаться равнодушным к тем кровавым преступлениям, которыми люди, выделившиеся из среды добрых граждан государства, ознаменовали свою возмутитель-

ную деятельность. Требуя прав гражданства своим извращенным, лишенным здравого смысла идеям, они попирают идею о законности и законах государственных; проповедуя свободу, они угрозами и подметными письмами вознамерились угнетать свободу тех, которые исполняют свои обязанности по чувству долга и совести; ратуя за принцип своей личной неприкосновенности, они не гнушаются прибегать к убийству из-за угла...

Ввиду сего, правительство отныне с неуклонной твердостью и строгостью будет преследовать тех, которые окажутся виновными или прикосновенными в злоумышлении против существующего государственного устройства, против основных начал общественного и семейного быта и против освященных законом прав собственности.

Русский народ во всеуслышание провозглашает нарушителей государственного и общественного спокойствия и виновников совершенных преступлений отверженниками и с негодованием отворачивается от их кровавой деятельности. Он громко требует и ожидает защиты от законных властей и просит правительство вырвать с корнем позорящее русскую землю зло.

Представители наших сословных общественных учреждений высказывались уже в том смысле, и целый ряд полученных разными правительственными учреждениями частных писем и заявлений от лиц всех классов населения, не исключая крестьянского, свидетельствует, что население империи возмущено до глубины души деятельностью преступников и пропагандистов лжеучений, чуждых русскому народу.

Но как бы ни были тверды и стойки действия правительства, как бы строго и неуклонно ни действовали исполнители правительственных мер велениям их долга и совести, с каким бы презрением и гражданским мужеством ни относились правительственные власти к повторяемым угрозам шайки злодеев, правительство должно найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать к себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи самых превратных понятий и самых ужасных преступлений.

Русский народ и его лучшие представители должны на деле показать, что в среде их нет места подобным преступникам, что они действительно считают их отверженниками и что каждый верноподданный русского государя будет всеми зависящими от него мерами способствовать правительству к искоренению нашего общего врага.

В заключение правительство считает своим долгом обратиться к молодому, учащемуся поколению с напоминанием и просьбою зрело обдумать прискорбные и тяжкие последствия, которым оно себя подвергает, увлекаясь распространяемыми в его среде лжеучениями. Добросовестное и здоровое отношение к науке, соединенное с трудолюбием, всегда было и будет надежнейшим охранителем от вступления на путь соблазна. Встречавшиеся же до сего дня уклонения от этой непреложной, освященной опытом истины, к величайшему прискорбию, уже стубили безвременно немало жертв из среды молодых людей, по своим способностям подававшим надежды на более светлую и полезную для общего дела будущность».

Наконец-то взялись за ум. Но как же и взялись...

Что может быть безжизненнее и бесцветнее этого сообщения, и что за странные формы такого обращения, или, лучше сказать, воззвания к обществу. Что

такое правительство? Кто оно? Где оно? У нас есть царь, и все обращения или манифесты подобного рода делались к обществу от царя. Редактирующие подобные сообщения не видят, до какой степени смешно употреблять конституционные формы без конституции. Общество приглашается содействовать правительству всеми средствами, но какие средства могут вдруг явиться у общества, у которого до сих пор отнимались все возможные средства чем-нибудь заявлять свою пригодность и способность участвовать в общем деле и к которому до сих пор относились презрительно и подозрительно.

Я уверен, что манифест, хорошо написанный и глубоко прочувствованный, мог бы теперь принести пользу.

Екатерина II отлично понимала силу царского слова, обращенного к народу, и она им пользовалась при всех смутных обстоятельствах. Приведу пример, весьма поучительный и достойный подражания. Какая разница с нынешним бесцветным языком министерских канцелярий!

Манифест императрицы Екатерины II, 4-го июня 1763 г.

Нет в свете государства, о благополучии которых не прилагали бы владетели и правители их всевозможного старания и трудов к восстановлению на высшую степень благоденствия всех живущих в оных обитателей. Нет таких и подданных, кои бы, имея благоразумные мысли, не желали бы себе всякого добра, тишины и спокойствия тем, что благополучие подданных есть прямое и истинное благополучие всех государей. А единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей, непоколебимое тому утверждение. Мы, со дня самого вступления Нашего на Всероссийский престол, сему правилу и последуем и Богу, содействующему в сердце Нашем, никогда, о пользе и всеобщем добре Наших подданных пеших, яко мать о детях своих, не оставим в чем, да управит и укрепит Нас его же рука святая. Вследствие чего равное же желание и воля Наша есть, чтобы все и каждый из Наших верноподданных единственно принадлежал своему званию и должности, удаляясь от всяких предерзких и непристойных разглашений.

Но, противу всякого Нашего чаянья, к крайнему Нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенные мыслию и нравом люди, которые не о добре общем и о спокойствии помышляют; но как сами заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных, и даже до того допускают свои слабости в безрассудном стремлении, что касаются дерзостно своими истолкованиями не только гражданских прав и правительства, и Наших издаваемых уставов, но и самих божественных узаконений, не воображая внятно себе мало, каким таковые непристойные умствования подвержены предосуждениям и опасностям. И хотя такие зловредные истолкователи правильно заслуживают себе казнь, яко спокойствию Нашему и всеобщему вредные, Мы, прежде употребления в сем случае всей строгости, по природному Нашему человеколюбию, всех таковых, зараженных беспокойною мыслью, матерински увещиваем удалиться от всяких вредных рассуждений, нарушающих покой и тишину, прилежательно единственно званию своему и препровождая время не в праздности, или невежестве, или буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях на пользу свою и ближнего. А если сие Наше матернее увещивание и попечение не

подействует на сердца развращенных и не обратит на путь истинного блаженства, то ведал бы всякий из таковых невежд, что Мы тогда поступим уже по всей строгости закона, и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители Нашей высочайшей воли. Однако, Мы надеемся прежде от всех наших верноподданных, что они, выдав нашу к себе материнскую любовь и попечение, взаимною друг другу помощью и с христианскою любовью проживут в спокойствии и тишине и истребят всякую вредность и непристойные званию их развращенные истолкования и, конечно, всех таких речей и выражений неприличных удалятся, к особенному своему спокойствию, а тем самым приобретут себе щедроту и благословение Божие и Нашу Монаршую Милость, доверенность и благоволение, яко умножению всеобщего благоденствия.

Всем верно Нам подданным объявляем. Каждый ведает благоразумный и благонамеренный сын отечества, что власть, над ним предрержащая, для его же добра, установлена от Бога, которой он повиноваться должен для своего и ближнего своего благоденствия. Почему и оскорбители оные, яко противящиеся Богу, и яко нарушители покоя, суть такие преступники, которых слово Божие и закон гражданский осуждают быть не только извергами своего отечества, но и в роде человеческого нетерпимыми. Мы можем, не похвалиться перед Богом, целому свету сказать, что от руки Божией приняли Всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном Нашем отечестве. К сему достохвальному намерению Мы приступили не словом, но истинным делом, и о добре общем ежедневно печемся, едино полагая то в намерение, чтобы радостью, удовольствием и порядком наших подданных, принимая Себе оные воздаянием, видеть внутреннюю тишину и благосостояние Нашей империи. Таковым средством Мы желаем прославить Бога, и таковым путем Мы желаем достигнуть вечного Себе от него воздаяния. Но при сих наших чистосердечных намерениях, к чувствительному Нашему сожалению, нашлись в самом Нашем столичном городе такие беспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство, и будто бы не токмо прилежные изобретатели своего заключения, но и живота своего отчаянные злодеи, презрев страх Божий и не помышляя о потере временного и вечного своего живота, покусились и дерзнули делать умысел к ниспровержению Божия к Нас промысла и к оскорблению Нашего Величества, и тем безумно вознамерились похитить у Богом врученного Нам народа общее блаженство, о котором Мы беспрестанно трудимся с материнским попечением и т. д. ...

За сим следует рассказ о преступных замыслах Хрущова с товарищами.

Вот каким языком и в какой форме выражалось правительство, т. е. царь, когда между властью и народом была связь и когда в этой связи власть искренно искала опоры. Форма выражения, сила речи имеет огромное значение, по ним безошибочно можно судить об искренности и ясности сознания говорящего. Кто живо чувствует, тот живо и сильно выражается. В сознании всего русского народа правительство, т. е. органы власти, резко отделяются от источника власти, т. е. царя, и можно положительно сказать, что насколько нынешний государь любим и популярен, настолько органы его к себе утратили всякое доверие и уважение. Необычайный призыв такого правительства едва ли произведет какое-либо действие. Оно само объявляет, что терпение исчерпано и что оно ныне с неуклонною твердостью и строгостью будет преследо-

вать тех, которые окажутся виновными или прикосновенными к злоумышлению против государственного устройства, против основных начал общественно-го и семейного быта и против освященных законом прав собственности. Но правительство это делало и до сих пор. Оно прибегало ко всем экстраординарным средствам преследования. В какой форме ожидает оно теперь содействия общества — остается тайной. Все газеты на разный лад толкуют этот призыв. Все более или менее видят в этом призыве намек на конституционную реформу, а это ужасно сердит авторов воззвания генерала Тимашева и К°. Дело в том, что при настоящем сумбуре в органах правительства всякое действие его, хотя бы по мысли верное, в приложении делается фальшивым, подобно тому как на расстроенном инструменте всякая, даже красивая мелодия звучит фальшиво и не производит никакого эффекта.

Мне случалось в прошедшем году, во время отсутствия государя за Дунаем, быть у императрицы и говорить с нею о социалистическом движении в России по поводу производившегося тогда большого процесса. Я старался особенно обратить внимание императрицы на участие молодых женщин и девиц в этом движении. Я был поражен тем фактом, что в этом движении принимают участие только девицы с высшим образованием, образованных слоев общества и пользующиеся известным достатком. Иные — даже обладающие хорошим состоянием, и многие из них чистейшей нравственности. Нигде, кроме России, мы не видим подобного факта. Есть какая-нибудь причина, по которой у нас женщины восторженно предаются отвлеченной идее, с необычайно твердым характером и волей подвергают себя страшным лишениям и принимают мученический венец. В числе подсудимых по всем политическим процессам пропаганды нет ни одной католички, ни одной протестантки — все русские. Как не обратить внимание и не исследовать причин такого поразительного факта? Для доказательства умственного развития девиц, принимающих участие в пропаганде, я сослался на стихотворения одной из них — девицы Бардиной, приговоренной к каторжной работе. Императрица пожелала прочесть эти стихи и просила прислать их фрейлине Милютиной⁵² вместе с запиской моей, составленной уже давно, в которой я сделал краткий исторический очерк возмутительных воззваний в России и принятых в разные царствования мер против них. Я послал эти стихи и записку фрейлине Милютиной при следующем письме:

«Посылаю Вам, добрейшая Елизавета Дмитриевна, три стихотворения г-жи Бардиной, присужденной так же, как и г-жа Фигнер, к каторжным работам. Неужели не любопытно и не поучительно было бы знать историю жизни и развития сих несчастных девушек? Кто такая ее мать, которая “в слезах и горе вся изныла”? Ни в предварительном следствии, ни на суде ни слова не было сказано о внутренней психологической жизни этих девушек, а только известно и доказано, что сии ходили в рубищах к мастеровым, с ними жили, терпели насмешки, укоризны и страшные физические лишения, и это продолжалось несколько лет, а теперь на суде не выразили ни малейшего сожаления о своих неудачах и ни малейшего страха ожидаемого их наказания. Как и при каких условиях могли образоваться подобные натуры? К чести или бесчестию тех заведений, где они воспитывались, нужно отнести подобные явления? Неужели г-жа Бардина и Фигнер могли закалиться

1878 год

до такой степени для деятельности вредной, то, может быть, найдутся женщины той же школы, которые направят свои способности и силы на хорошее дело. Одним словом, столько неразрешенных вопросов возбуждают эти неразрешенные явления, что грех было бы оставить их без исследования. Посылаю Вам также записку о прокламациях и тайных обществах, я составил ее уже давно, вскоре после нечаевского дела, и не давал ей никакого хода, ибо знал, что мое предложение легкого телесного наказания возбудит слишком большое негодование, и я в этом не ошибся, слыша сегодня Ваш энергичный протест. Я смиряюсь и покоряюсь перед Вашим гневом, вместо розог придумайте что-либо другое, но на том же основании, как одна знакомая мне целомудренная маменька, читая своим дочкам повесть, заменяла везде слово *Amour* словом *Tambour*. Тут не в розгах дело, а в мысли, а главное, войдите в дух и смысл манифестов императрицы Екатерины — это образец власти, опирающейся на нравственную поддержку общества. По прочтении благоволите возвратить мне записку, у меня нет другого экземпляра, и я имею ее переделать.

Преданный Вам,
князь Оболенский.

Стихотворение

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский,
Суди, судья, но проще, поскорей,
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...

Крестьянские вериги вместо платья
Одев и сняв преступно башмаки, —
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки...

Застигнута на месте преступления,
С поличным я на суд приведена...
Зачем же тут свидетели и прочие?
Ведь я — кругом уличена...

Оставь, судья, ненужные допросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах —
Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на руках...

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, в душе моей на дне
Тягчайшая из всех улик сокрыта...
Любовь к родимой стороне...

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья,
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я...

Четвертый том

Пожизненно меня ты покарнешь,
Но мой недуг уж написал протест,
И мне грозит, сам видишь ты и знаешь,
Лишь кратковременный арест...

А я умру — все с тою же любовью...
И уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи...

С. Бардина⁵³.

Посвящается Л. Н. Фигнер

Милая девушка, сильно влияние
Внешней, чарующей нас красоты...
Так, но сильнее ее обаяние,
Прелесть душевной твоей чистоты...

Много в изящной фигуре гармонии
И благородства в движениях твоих,
Чувства ж движенья еще благороднее
Сердце великое чуется в них...

Полон Спасителя взор сострадания,
Скорби божественной много в чертах,
Но еще больше любви и страдания
В этих бездонно-глубоких глазах...

Пыток, костров были страшны мученья,
Долго зато не страдали тогда,
Пытки ж Твои — бесконечны томленья
В муках безмолвных проходят года...

С. Бардина.

Матери

Когда несчастье надо мною
Нависло крышкой гробовою,
Одна лишь любящая мать
Сумела, ты, меня понять...

Эгоистичная семья
Об арестантке позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
В слезах и горе вся изныла.

За то могу я уважать
Тебя, родная, беспредельно

1878 год

И образ твой благоговейно
В святыне сердца сохранять...

С. Бардина».

Это письмо, стихи и записку я получил только на днях обратно от секретаря императрицы г. Морица, который получил их от императрицы перед отъездом ее в Ливадию в числе прочих бумаг, оставшихся в ее кабинете. Вероятно, все это было читано, но последствий не имело. Записка, о которой я говорю в письме моем Милютиной, была составлена мною давно, при самом начале социалистического учения и пропаганды между молодежью. В этой записке, в числе разных мер, я предлагал заменять для несовершеннолетних тяжкие уголовные наказания легким исправительным, и в том числе розгами. Эта последняя мера во многих возбуждала негодование. В записке я подробно мотивировал необходимость и пользу этой меры для большинства юношей и девиц, привлеченных к пропаганде единственно одним престижем политического деятеля.

В то время, когда я написал записку, эти меры могли бы остановить заразу. Теперь уже поздно. Но главное, я предлагал обратиться к обществу в торжественном манифесте и разъяснить ему всю безнравственность и опасность пропаганды, и вообще снять тайну, в которую до сих пор облакаются все действия пропагандистов, и выставить их на показ и негодование всего общества. Эта мысль осуществилась теперь, но в такой форме, от которой нельзя ожидать ничего хорошего.

20-го сентября. На днях я вернулся из Парижа, куда ездил на несколько дней, чтобы посмотреть выставку, а главное, чтобы присутствовать на концертах русской музыки, которые, под руководством Николая Рубинштейна, давало Русское музыкальное общество в зале Трокадеро. Меня эти концерты интересовали не только потому, что я, в качестве вице-президента этого общества, вообще крайне интересуюсь русской музыкой, но также потому, что по моему настоянию выбран в дирижеры этих концертов Н. Рубинштейн, от которого от одного можно было ожидать успеха. И действительно, успех превзошел все ожидания. Многие номера Глинки, Даргомыжского, Серова и Бортнянского производят публику в восторг. Я счастлив этому успеху. Русская музыка сделалась, наконец, известна в Европе и сразу приобрела себе право гражданства.

Воспоминания об основании Русского музыкального общества. Вообще Русское музыкальное общество, основанное под покровительством покойной великой княгини Елены Павловны, есть одно из самых удавшихся и полезных учреждений. Почти с самого основания я был вице-президентом этого общества при великой княгине, а теперь — при великом князе Константине Николаевиче. Много было хлопот и забот для учреждения консерваторий в Петербурге и Москве. Дело быстрыми шагами развивалось, и сообразно с сим нужно было приискивать средства и людей для ведения его.

Из переписки моей с великой княгиней видно, какое живое участие принимала она в устройстве консерваторий. Никогда не забуду драгоценных слов ее,

обращенных ко мне в одном из многочисленных писем ее ко мне по поводу разных недоразумений и неприятностей, возникших при окончательном устройстве консерватории в Петербурге. «J'espère que comme moi, — заключила она длинное письмо свое от 3–15-го августа 1867 г. из Карлсбада, — vous ne perdrez pas courage malgré les expériences fâcheuses que nous avons faites et que vous continuerez à donner vos soins à une institution, que nous léguerons – j'aime à le croire – à la Russie dans toutes les conditions d'une longévité qu' on lui conteste et d'un développement artistique digne de l'art et de notre Patrie»*.

Эти слова обязывают меня продолжать, по мере сил и возможности, при новом президенте общества участвовать в администрации общества и консерватории. Если бы покойная великая княгиня была жива, как бы она порадовалась успеху парижских концертов!

1879 год

18-го августа. Скоро год, что я не писал ничего в этой тетради. Отчего? Трудно сказать. В течение нынешнего года, однако, свершилось много замечательных событий, но все они таковы, что наводят на душу неизъяснимую тоску. Они сами о себе говорят, и фактическая сторона их известна всем из газет. Судить же о них — значит петь заунывную песню все на один и тот же мотив.

Неудавшийся мир, заключенный в прошлом году Берлинским договором, осудит история и без всяких комментариев определит характер и политическое достоинство руководителей нашей политики.

К сожалению, все, что я предчувствовал и предсказывал в своих записках в начале войны, все то сбылось с математической верностью (см. 20-го июля и проч. 1877-го года).

Ожидаемого чуда не свершилось, а потому дела приняли естественный оборот. Ложь и лицемерие обнаружилось. Правительство вело войну за идею, в которую оно не только не верит, но которой оно по инстинкту своему враждебно. Сам государь увлекся словами и даже, может быть, одну минуту заразился общим народным настроением и энтузиазмом к идее, которая ему, в сущности, инстинктивно противна⁵⁴. Что же мудреного, что при первых рассуждениях и в дипломатической борьбе с противниками, ясно сознающими свой интерес и важность мыслей, лежащих в основе славянского движения в России, наши дипломаты сейчас почти без боя готовы были все уступить, от всего отказаться, лишь бы покончить скорее несчастное дело. С небывалою до сих пор легкостью принимались важнейшие политические решения. Никто никогда не был призван на совет. Даже министры все, кроме военного, были в совершенном

* Надеюсь, что как и меня, Вас не покинет мужество, несмотря на те досадные опыты, кои достались на нашу долю, и Вы и далее будете продолжать Ваши усилия в том, что касается того учреждения, которое мы завещаем, я с радостью верю — России при всех тех условиях, что обеспечивают долгоденствие и художественное развитие, достойное искусства и нашего Отечества.